

Валерий Михайлович Карышев Капкан для киллера – 1

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174628
В.Карышев Капкан для киллера – 1: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-27138-2*

Аннотация

Человек, который часто смотрел на других сквозь прорезь прицела, суперкиллер Александр Солоник после своего легендарного побега из «Матросской тишины» словно растворился в воздухе. Однако в ряде убийств криминальных авторитетов как за границей, так и в России угадывается его «почерк».

Автор романа, адвокат Солоника, много и тесно общавшийся с ним, пытается поднять завесу тайны над последними годами жизни «киллера № 1», обстоятельствами его загадочной гибели.

Так кто же покоится под беломраморным крестом на тихом кладбище в Афинах?
Книга ранее издавалась под названием «Александр Солоник – киллер на экспорт»

Содержание

Предисловие автора	4
Пролог	6
Глава 1	14
Глава 2	24
Глава 3	30
Глава 4	37
Глава 5	41
Глава 6	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Валерий Карышев

Капкан для киллера – 1

Предисловие автора

Я никогда не собирался писать подобное художественное произведение. Но волею судеб мне пришлось выступить в качестве защитника по делу Александра Солоника, одного из самых знаменитых и загадочных российских киллеров, обвиняемого в ряде заказных убийств криминальных авторитетов, а также работников милиции.

Попав после ареста в специальный корпус следственного изолятора «Матросская тишина», А. Солоник не чувствовал себя в полной безопасности. Над ним «висело» – ни много ни мало – три смертных приговора: первый – судебный, второй – работников милиции за смерть своих коллег и третий – воров в законе за убийства криминальных авторитетов.

Реально оценивая ситуацию, Солоник разработал собственную систему безопасности, одним из элементов которой было ежедневное посещение его адвокатом.

Одни называют Солоника преступником и убийцей (хотя суда над ним не было), другие – Робин Гудом, выжигающим «криминальные язвы» общества. Но так или иначе Солоник – личность, способная на Поступки. Три его побега из мест заключения, включая последний из «Матросской тишины», сделали его легендой криминального мира.

Солонику посвящены многочисленные статьи в газетах и журналах, главы документальных книг, фильмы. Но кто может знать его лучше, чем его адвокат, единственный человек с воли, которому он доверил свою судьбу, а также завещал в случае смерти и свои воспоминания, записанные на аудиокассеты. Их мне передали в Греции, где при весьма загадочных обстоятельствах погиб Солоник.

Идея подобной книги впервые пришла Солонику во время следствия.

Вечером, накануне моего очередного посещения, по телевидению показывали какой-то остросюжетный детектив. И тут он, пренебрежительно отозвавшись о фильме, заметил, что если бы, мол, про него написали, то получился бы суперостросюжетный роман. Тогда я в шутку ответил – кто тебе мешает, сам и напиши... А он, помолчав, покачал головой – нет, это можно сделать только после моей смерти, и уточнил: иначе прольется море крови, да и мне самому не жить.

Прошло время, события приняли стремительный оборот.

Понимая, что может не дожить до суда, Солоник совершает побег из «Матросской тишины» и почти полтора года прячется за границей.

Моего напарника по этому делу, адвоката Алексея Завгороднего, вскоре после побега Солоника жестоко избивают у подъезда.

За мной начинается тотальная слежка. Мне устраивают два официальных допроса. Правоохранительные органы проводят обыск на моей квартире. От оперативников я получаю советы «беречь свое здоровье».

Зато в криминальном мире мой «авторитет» растет, круг моих «крутых клиентов» резко расширяется. После ряда публикаций в периодике за мной чуть ли не закрепляется кличка «адвокат киллеров», «адвокат мафии». Но жизнь продолжается. И каждый из нас, причастных к этому делу, живет своей жизнью.

Затем происходят новые непредсказуемые события: в конце января 1997 года мне неожиданно звонит Солоник и просит в случае его смерти опубликовать то, что записано им на пленку. Затем приходит известие о его гибели. Вскоре я еду в Грецию и знакомлюсь с этими записями.

Я до мелочей запомнил тот день, когда закрылся в номере греческой гостиницы и несколько дней в шоковом состоянии слушал исповедь Солоника.

Да, он был прав на сто процентов – прольется море крови, снова начнутся мафиозные разборки...

С другой стороны, мне, доверенному лицу Солоника, следовало выполнить его последнюю волю.

Поэтому я решился написать роман, изменив ряд имен и событий (чтобы не было больше крови).

Наверное, многие узнают иных персонажей этой книги, встретят знакомые эпизоды и события. Есть здесь и фрагменты моей биографии, отсюда подзаголовок: «Записки адвоката». И тем не менее я прошу считать эту книгу художественным произведением, ее содержание не может быть использовано на следствии или в суде.

Я благодарен экспертам, помогавшим мне работать над этой книгой, представителям правоохранительных органов, четко осуществлявшим свои должностные обязанности, братве, которая все «оценила с пониманием», и тем, кто помог «не до конца», так как оказался в СИЗО и на зоне.

Отдельная благодарность – съемочной группе Центрального телевидения во главе с Олегом Вакуловским, автором документального фильма «Красавица и чудовище», снятого при моем участии в Греции.

«Александр Солоник – киллер на экспорт» – вторая книга из задуманного цикла. Первая – «Солоник – киллер в законе», изданная недавно, вызвала большой интерес и сразу стала бестселлером.

Хочется верить, что эти книги найдут своего читателя.

Пролог

Любое городское кладбище, как и мегаполис, делится на центр, периферию, окраины и предместья. Богатая и престижная центральная часть – для хозяев жизни, более скромные районы, опоясывающие этот центр, – для среднего класса, запущенные и невыразительные «пригороды» – для люмпен-пролетариата.

Богатый человек может позволить себе не только красиво жить, но и быть достойно похороненным: роскошные, зачастую безвкусные мраморные склепы, напоминающие виллы, в которых жили владельцы при жизни, строгие трехметровые кресты черного гранита, трогательно-печальные ангелы и вычурные стихотворные эпитафии на огромных стенах – таков обычный кладбищенский центр.

Те же кресты, лишь поменьше, поскромней, те же ангелы, но не столь изысканные, не каррарского мрамора, а гипсовые, иногда с отбитыми руками и носами – в кварталах среднего класса.

И на окраине, у самой ограды, – типовые стандартные столбики или покосившиеся кресты, где нет не только никаких эпитафий, но зачастую и медальонов-фотографий: лишь полустертые даты рождения-смерти, имена и фамилии усопших...

Третье муниципальное кладбище, расположенное далеко не в самом лучшем месте греческой столицы, никогда не считалось престижным. Правда, традиционное разделение на сектора для богатых, средний класс и бедных сохраняется и тут. Но людей, по-настоящему богатых, предпочитают здесь не хоронить. На окраине Афин, как правило, находят последнее пристанище аутсайдеры жизни: сезонные рабочие, безработные учителя, разорившиеся мелкие торговцы, изгнанные со службы государственные чиновники, списанные на берег моряки, дешевые проститутки, албанские, болгарские, румынские, югославские и советские иммигранты, прочие неудачники. Довольно большой участок зарезервирован Министерством общественного порядка под захоронения погибших при несчастных случаях, чьи тела по каким-то причинам не востребованы родственниками.

Именно в таком секторе Третьего муниципального кладбища Афин, пожалуй, самом бедном и унылом, в начале марта 1997 года появился огромный беломраморный крест с надписями по-гречески и по-русски, извещавший, что под ним покоится Александр Сергеевич Солоник, ушедший из жизни 1 февраля этого же года в возрасте тридцати семи лет. Крест этот – несуразно большой, роскошный, с благородной темной позолотой – странно смотрелся на фоне бедных стандартных надгробий и покосившихся стел, словно роскошный коттедж, невесть почему выросший среди типовых трущоб рабочего предместья.

Цветы у подножия креста давно увяли, превратившись в мусор. Ржавчиной окрасились металлические венки. Наверняка после похорон на могиле не было ни единого человека. Тишина, тоска и уныние...

Пятое марта 1997 года выдалось пасмурным и ветреным. По ртутно-серому афинскому небу пробегали низкие рваные облака, раскачивались с печальным шумом верхушки кипарисов и пиний. Со стороны Пирея медленно и неотвратно надвигалась огромная сизая туча, предвещающая скорый дождь.

День клонился к закату. Посетителей в этой части кладбища почти не было, не считая нескольких облаченных в траур старых гречанок у свежего холмика да еще мужчины неопределенного возраста. У мужчины были маловыразительные, словно стертые, черты лица, ординарная, незапоминающаяся фигура, одежда без особых деталей и излишеств. Весь его облик невольно воскрешал в памяти обтекаемые, но тем не менее устрашающие слова «секретные спецслужбы». Глядя на «серенького», можно было подумать, что он скорбит над заброшенной могилой с потрескавшимся женским медальоном, но этот человек то и дело

бросал быстрые взгляды на уходящую в перспективу аллею памятников, на белеющий крест каррарского мрамора.

И неудивительно: имя Александр Солоник, выведенное на беломраморном кресте тусклым золотом, вот уже два года не сходило со страниц газет в России и за ее пределами. Имя Александра Солоника почти ежедневно звучало с экранов телевизоров, на планерках РУОПа и МУРа, в камерах следственных изоляторов и в фешенебельных апартаментах «новых русских». Его без конца повторяли и на сибирских зонах, и на новомодных испанских да кипрских курортах. О Солонике писали книги, снимали документальные фильмы, а число убийств, приписываемых этому человеку, множилось с каждым днем.

Его имя внушало ужас многим: от седых, состарившихся на службе следователей прокуратуры до заматерелых на зонах и пересылках воров в законе; от не в меру оборзевших авторитетов новой формации, именуемых чаще «отморозками», до уважаемых, уверенных в себе и своей охране банкиров и бизнесменов. «Киллер номер один», «безжалостный наемный убийца мафии», «самая загадочная фигура современной криминальной истории России», наконец, несколько претенциозное «Александр Македонский» – так именовали того, чьи останки покоились теперь на Третьем муниципальном кладбище Афин.

Александр Македонский задавал загадки при жизни, и совсем неудивительно, что смерть его сделалась еще большей загадкой... По этой причине с самого дня похорон за беломраморным крестом с русскоязычной надписью было установлено скрытое дежурство неприметных соглядатаев. Впрочем, одним дежурством дело не ограничивалось...

В конце кладбищенской аллейки хрустко зашуршал гравий под подошвами. Соглядатай насторожился, попытался рассмотреть посетителя, но вечерние сумерки и причудливые темные тени кипарисов, упавшие на дорожку, не дали такой возможности. Да и в погожий, солнечный день вряд ли бы ему удалось как следует рассмотреть этого человека. На нем были массивные черные очки, воротник куртки поднят, натянутая по брови вязаная шапочка скрывала цвет волос и прическу. Так мог одеваться и пирейский докер, и мелкий лавочник, торгующий шубами, и любой праздношатающийся, каких в Афинах не счесть. Впрочем, как сразу же определил соглядатай, этот человек явно не был лавочником, равно и не праздношатающимся. Да и наверняка не местный житель. Характерный профиль, пружинистая походка невольно воскрешали в памяти соглядатая нечто знакомое...

Он вздрогнул, тряхнул головой, словно стараясь прогнать навязчивое наваждение. Но человек в темных очках, несмотря на маскировку, казался ему до боли знакомым, никаким не наваждением.

Запоздалый посетитель кладбища подошел к роскошному кресту-надгробию с русскоязычной надписью. Извлек из-под полы куртки смятый букетик цветов и, расправив его, положил у подножия. Постоял, о чем-то размышляя, а затем, подойдя поближе и приподняв черные очки, долго и пристально рассматривал надпись.

Даже теперь, в сумрачный вечерний час, было заметно: скорби, приличествующей посещению последнего места успокоения, в облике посетителя могилы Александра Солоника явно не наблюдалось. Наоборот, в каждом движении сквозило спокойствие и деловитость. Так мог вести себя разве что судебный исполнитель, желающий убедиться в стопроцентном свершении того или иного факта.

Серенький продолжал внимательно наблюдать за посетителем. В какой-то момент ему показалось, что губы того скривились в злорадной усмешке. Конечно, можно было подойти поближе, но ему явно не хотелось выдавать своего присутствия. Он извлек из кармана портативную рацию, нажал кнопку, что-то тихо произнес.

А обладатель черных очков тем временем, бросив в сторону могилы прощальный взгляд, быстро пошел прочь. Но не в направлении центральной аллеи, ведущей к выходу, а в глубь кладбища.

Наблюдатель уже было направился вслед за странным посетителем, но, заметив в конце поперечной аллеи еще одну темную тень, решил подождать. И не ошибся: появился еще один посетитель могилы Александра Солоника.

Впрочем, в отличие от предыдущего, тот, второй, отнюдь не маскировался, и наблюдатель сразу же узнал его. Это был Адвокат – человек, который при жизни защищал того, на чьей могиле ныне высился огромный беломраморный крест. По непонятной иронии судьбы Адвокат стал одним из немногих, кто принял участие в своем бывшем клиенте и после смерти.

Адвокат – обычно вежливый, улыбочивый, корректный и обходительный, – а именно таким знал его серенький соглядатай, – на этот раз выглядел уставшим и проявлял нервозность. Он то и дело оглядывался по сторонам, раздраженно вертел головой, словно воротник длинного черного плаща натирал ему шею. Так может вести себя человек, которому кажется, что его преследуют.

Соглядатай немного расслабился и закурил. Перед выходом на дежурство ему сообщили, что Адвокат, специально прилетевший в Афины проездом в Москву с Кипра, непременно должен посетить могилу своего самого знаменитого клиента. Знал, что завтра утром он улетает в Москву, вследствие чего, очевидно, пробудет у могилы совсем недолго...

Адвокат и впрямь пробыл у могилы всего несколько минут. Неизвестно, к чему склонило его посещение кладбища – к размышлениям о скоротечности бытия, непредсказуемости жизненных сюжетов, а может быть, к мыслям о том, что своей смертью человек, лежащий под этим беломраморным крестом, задал самую большую загадку из всех, которые задавал?

Адвокат постоял, помолчал, поправил старые венки и, осмотревшись по сторонам, двинулся к выходу.

На тихие, безмолвные могилы опускались синие вечерние сумерки. Контур мраморных крестов и надгробий призрачно вырисовывались в темном обрамлении кладбищенской зелени. Высоко, в кронах деревьев, гортанно кричали, дрались, шумно хлопая крыльями, птицы. Незаметно приползла туча, и первые дробные капли упали на сухую каменистую землю.

Серенький, докурив сигарету, осмотревшись по сторонам, двинулся к надгробью. Зайдя к кресту сзади, он нагнулся и извлек из скрытого тайника у старого дерева портативную видеокамеру. Достал кассету, профессионально быстро зарядил другую, вновь установил камеру на прежнее место, после чего спрятал отснятую пленку во внутренний карман. Посмотрел на часы и двинулся к выходу с кладбища.

До конца его дежурства оставалось две минуты – смена ждала его за оградой.

Кассета, извлеченная из замаскированной портативной видеокамеры, была просмотрена спустя полчаса. Именно столько времени потребовалось серенькому соглядатаю, чтобы добраться до здания в центре греческой столицы, принадлежащего, судя по вывеске, российскому торговому представительству в Греции. Уже на выходе с кладбища он выяснил, что посетителя в темных очках «наружка» не засекала – одного лишь Адвоката, который был зафиксирован всеми наблюдателями. Ничего удивительного тут нет: посетитель в темных очках соблюдал элементарные законы конспирации, согласно которым желательно не входить и не выходить через одну и ту же дверь. Уходя, он направился не к главному входу, через который вошел на кладбище, а куда-то в сторону. А расставить наблюдателей по периметру забора этого огромного кладбища весьма проблематично.

Кассету просматривал один из начальников серенького. Он чем-то неуловимо напоминал самого соглядатая – такое же стертное лицо, скупые, выверенные движения, неприметность черт и отсутствие запоминающихся деталей в одежде.

Большая часть видеоматериала не дала ничего – неподвижное белое пятно креста, который, будучи зафиксированным камерой снизу, с земли, казался еще крупнее, чем на самом деле. В объектив камеры попала пушистая ветвь пинии, приземистые стелы на других могилах.

Впрочем, появление человека в темных очках, о котором успела доложить «наружка», также заставило начальника серенького вздрогнуть. В кладбищенской полутьме его изображение получилось несколько смазанным, и хотя черные солнцезащитные очки, вязаная шапочка и поднятый воротник куртки маскировали внешность, но странный посетитель Третьего муниципального кладбища оказался необыкновенно похож на того, чье тело лежало под беломраморным крестом с русскоязычной надписью. Человек, просматривавший видеоматериал, знал Солоника не год и не два и потому никак не мог ошибиться. В отличие от некомпетентных журналистов ему, непосредственному куратору Солоника, об Александре Македонском было известно все. Или почти все.

Куратор вновь и вновь перематывал кассету, возвращая ленту к моменту появления у могилы Солоника странного посетителя, нажимал на «стоп-кадр», всматривался в его лицо, выглядевшее на экране очень размытым, но так и не мог ответить на вопрос, кто же такой этот человек.

Да, он был очень похож на того, чью могилу пришел посетить: рост, фигура, походка. Приглядевшись, можно было найти сходство и в чертах лица.

Кто же это был?

В который уже раз зафиксировав изображение «стоп-кадром», Куратор выдвинул ящик стола и извлек толстую папку алого сафьяна. Раскрыл, зашелестел бумагой, достал свидетельство о смерти, протокол посмертного осмотра тела, результаты дактилоскопической экспертизы и акт патологоанатомического вскрытия.

Отпечатки пальцев совпадали, как и особые приметы: послеоперационные шрамы в районе поясницы, слепки нижней челюсти, антропометрические данные, даже иголка, забытая врачами после удаления почки, была, если верить акту, найдена в теле трупа...

Все говорило о том, что под мраморным крестом покоится Александр Сергеевич Солоник.

Но сегодняшний видеоматериал если не свидетельствовал об обратном, то, по крайней мере, наводил на определенные размышления.

Кто этот странный человек, посетивший сегодня Третье муниципальное кладбище?

С какой целью он приходил на могилу убитого киллера?

Почему он странным образом похож на покойного?

Вопросов было куда больше, чем ответов, и Куратор, вновь и вновь просматривая посмертные документы и видеоматериал, понимал, что сегодня не сумеет ответить хотя бы на один из них. Но вряд ли теперь найдется человек, который со стопроцентной уверенностью будет утверждать, что под мраморным крестом покоится тот самый Александр Солоник, чье имя еще недавно наводило ужас на самых крутых хозяев жизни – тех, кто на виду, и тeneвых. В Александра Солоника уже играют дети. Наряду с Сильвестром, Япончиком и Михасем он стал криминальной эмблемой новой, постперестроечной России!

Куратор просматривал видеоматериалы долго. В какой-то момент ему даже показалось, что посетитель кладбища и есть Александр Солоник, но, в который раз взглянув на посмертные документы, он усилием воли отогнал от себя эту навязчивую мысль.

Мертвые никогда не оживают – афоризм. Впрочем, согласно другому афоризму, мертвые тянут за собой на тот свет живых. В справедливости этого утверждения Куратор неоднократно убеждался.

Щелчок пульта дистанционного управления – кассета медленно вылезла из узкой щели видеоманитофона.

Куратор взял трубку мобильного телефона и набрал номер.

– Его адвокат что, по-прежнему здесь? – спросил он неведомого собеседника.

– По дороге с Кипра, на сутки. Завтра вылетает в Москву, – последовало объяснение. – Уже и билеты купил. Продолжать наблюдение?

– Можете снять, – бросил Куратор. Отложил мобильный телефон и вновь вставил кассету в видеомэгнитофон...

Примерно в то самое время, когда Куратор покойного Александра Македонского сосредоточенно просматривал видеоматериалы, Адвокат прибыл в гостиницу и поднялся в номер.

Он действительно вымотался за эти дни – наверное, никогда еще за свою жизнь он не уставал так, как тут, в Греции.

Все началось в Москве, сразу же после скандального побега его подзащитного из СИЗО № 1, более известного под названием «Матросская тишина». Газеты взвыли, телевидение едва ли не ежедневно крутило материалы о дерзком беглеце. Падкие на сенсации журналисты множили слухи, а Региональное управление по борьбе с организованной преступностью взяло в оборот его, Адвоката, в качестве крайнего.

Раз бежал из тюрьмы преступник, стало быть, виноват адвокат. При всей абсурдности этого утверждения его можно обосновать и аргументировать.

Кто самый близкий человек для подследственного? На кого может рассчитывать в тюремных стенах тот, кого не сегодня завтра приговорят к высшей мере – а именно «вышка» светила Солонику за убийство сотрудников милиции на Петровско-Разумовском рынке (не говоря уже о других, более громких)? Рассчитывать можно было лишь на защитника, положенного подследственному по Конституции: на его знание Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов, его связи, жизненный и профессиональный опыт, наконец, на обычное везение. Так у подследственного рождается пусть зыбкая, но все-таки какая-то надежда.

А уж если подследственный, не дождавшись, пока самый гуманный в мире суд «намажет ему лоб зеленой», бежит, то виноватым оказывается, естественно, тот, кто помогает узнику в тюремных стенах.

Короче говоря, у Адвоката начались проблемы, и весьма крупные.

Конечно, до прямых обвинений в пособничестве побегу не доходило, но пришлось испытать сильный прессинг, притом очень жесткий.

Недавнего защитника дерзкого беглеца напрягали все кто угодно: высокопоставленные руповцы и администрация следственного изолятора, лидеры оргпреступных группировок, чьих паханов в свое время завалил именитый клиент, и журналисты, прокуратура, ФСБ, еще какие-то структуры, о существовании которых Адвокат до того момента мог лишь смутно догадываться...

Наверняка последние и установили за защитником Солоника «наружку». Бежевая «шестерка» без зазрения совести преследовала его «БМВ» по всей Москве, и недавний адвокат Македонского был внутренне готов к самым серьезным неожиданностям.

Впрочем, вскоре Адвоката оставили в покое, и тому были свои причины. А еще через несколько месяцев скандал поутих, и о Солонике вспоминали все реже. Помнили о загадочном киллере, стрелявшем без промаха, кандидаты на киллерское «исполнение» – все эти воры, паханы, авторитеты. Помнили о нем и те, кто законными средствами боролся с клиентами Македонского: РУОП, прокуратура, МУР, ФСБ...

Помнили и тоже искали, но найти, естественно, не могли. Умный, опытный, отлично подготовленный профи умело уходил из расставленных ловушек.

И вот второго февраля 1997 года в Москву из Греции пришло известие, будто бы труп великого и ужасного Солоника найден на пустыре вблизи Афин со следами удушения. Адвокат, помня о профессиональном долге, тут же вылетел на Балканы.

В Афинах он нанес визит в Министерство общественного порядка, провел долгие, но, увы, безрезультатные переговоры с греческими властями о выдаче тела. Оформил 7 документов для матери покойного Солоника, вылетевшей в Афины из Кургана. Состоялись уютные беседы в российском посольстве, в местном отделении «Интерпола», встречи с людьми, знавшими Македонского хорошо, шапочно или не знавшими вовсе, но тем не менее утверждавшими, что знали. Наконец, последовал визит в морг, печальная необходимость.

И он, Адвокат, видел труп, найденный в окрестностях Афин.

Вроде бы в морозильной ячейке действительно находилось тело его бывшего клиента. Во всяком случае, имело место формальное сходство. И послеоперационный шрам, и черты лица, и фигура, и рост... Но уже в морге что-то подсказывало Адвокату, что все не так просто, как может показаться на первый взгляд.

Удивила мать Солоника – Адвокат мельком видел ее на ступеньках морга, сразу же после опознания. Ее лицо было непроницаемо, и на щеках не было слез.

Так кто же лежит на Третьем муниципальном кладбище Афин под беломраморным крестом?

Солоник?

Или же он, предвидя неизбежные преследования, сумел-таки подсунуть вместо себя двойника. И не просто подсунуть, но и убедить потенциальных убийц, что это и есть тот самый человек, крови которого они так жаждут...

Адвокат закурил, откинулся на спинку кресла, развернул газеты, купленные им еще до отлета в Грецию...

«В Греции давно ловили живого Солоника, а нашли мертвого», – писали влиятельные «Известия» 5 февраля 1997 года.

«В Афинах убит Александр Солоник, он же Саша Македонский. Греческие средства массовой информации наперебой рассказывали о том, что прибывшая в страну таинственная „группа захвата“ из Москвы пыталась арестовать преступника, разыскиваемого более полутора лет после бегства из столичного СИЗО № 1 „Матросская тишина“, однако обнаружила лишь его труп.

Между тем из скупых и весьма расплывчатых комментариев официальных лиц в российских правоохранительных органах невозможно, хотя бы с малой долей вероятности, предположить, кто и при каких обстоятельствах «убрал» Солоника. Как, впрочем, нельзя точно утверждать, что найдены останки именно этого человека...»

А «Коммерсант-Дейли» от 4 февраля 1997 года сообщала:

«Пока афинская полиция рассматривает три версии о мотивах убийства Солоника. По одной из них, с Сашей Македонским расправилась русская мафия. Речь скорее всего идет о бауманской преступной группировке, двух лидеров которой, Глобуса и Бобона, Солоник застрелил в 1993 и в 1994 годах.

По второй версии, смерть курганского авторитета – разборки внутри обосновавшихся в Греции русских преступных группировок. Они слишком трепетно относятся к своему бизнесу и не терпят чужаков.

Третья версия – наиболее скандальная. Солоник, как считают греческие полицейские, давний агент КГБ, и с ним расправились российские спецслужбы. В ФСБ, правда, заявили, что к Солонику и его преступной деятельности не имеют никакого отношения.

Нельзя не отметить, что смерть Александра Солоника была на руку как МВД, так и прокуратуре. Уголовное дело по факту убийства Солоника российские милиционеры расследовать не будут: он был убит на территории иностранного государства...»

Что правда, то правда: смерти этого человека жаждали многие, очень многие. И Солоник, человек, безусловно, неглупый, хитрый и расчетливый, прекрасно понимал, что его смерть станет выгодна для всех. И уж наверняка прогнозировал дальнейшие события. И не только прогнозировал, но и готовил собственный сценарий.

Адвокат вновь зашелестел газетным листом – концовка материала в газете «Сегодня» за 5 февраля была созвучна его соображениям:

«Не секрет, что труп Солоника хотят увидеть очень многие. Вот только вопрос: а мертв ли он? Допустим, что Саша Македонский «скорее мертв». Вот только «мифы и легенды» Греции заставляют в этом усомниться...»

Сигарета, зажата между пальцами, неслышно тлела, пепел падал на полированный стол, но Адвокат не замечал этого. Сунул руку во внутренний карман пиджака, извлек диктофончик и четыре микрокассеты, вставил одну из них, нажал на воспроизведение.

Это были предсмертные воспоминания Александра Солоника. Хотя, как знать, может быть, и не предсмертные?

Кассеты эти хранились в специальной ячейке банка в Лимасоле. Адвокат специально летал на Кипр, чтобы извлечь их оттуда. Недавнему посетителю Третьего муниципального кладбища очень не хотелось вспоминать, кто, как и при каких обстоятельствах сообщил ему об этих аудиозаписях. Да и могли ли они теперь что-нибудь изменить?

Тихо, почти неслышно шелестела магнитная лента, и знакомый голос, который он столько раз слышал в кабинете «Матросской тишины», неторопливо, обстоятельно повествовал о жизни Саши Македонского. О том, как простой, ничем не примечательный курганский парень стал грозой и ужасом русской мафии. О том, почему МУР, РУОП, специальные поисковые группы ГУИНа, прокуратура и ФСБ с их воистину неограниченными возможностями так долго не могли выйти на след «курганского Рэмбо». И конечно же, о тех, кого ему, Александру Солонику, приходилось «исполнять». Правда, рассказчик старался не упоминать о тех людях, которые стояли за киллерскими отстрелами, – о тех, кто заказывал ему убийства, о тех, с чьей помощью он был извлечен из СИЗО «Матросская тишина», кто организовал ему бегство в солнечную Грецию. Когда же монолог подходил к самому главному, к кукловодам, незримо дергавшим за ниточки из-за кулис, голос рассказчика становился каким-то тусклым, речь сбивчивой – так может говорить лишь человек, который рассчитывает в будущем никогда с теми кукловодами больше не встречаться.

Но тогда получается, что Солоник скорее жив, чем мертв.

Это была не исповедь и не мемуары, и уж тем более не крик души. Кому, как не Александру Македонскому, знать: за его именем тянется шлейф догадок, домыслов, слухов и сплетен, порой самых неправдоподобных и жутких. И, наверное, он посчитал своим долгом изложить события таковыми, какими они виделись ему самому.

Удивительно, но повествование велось от третьего лица: не «я, Саша», а «он, Александр». Словно Юлий Цезарь в «Записках о Галльской войне». Когда-то, еще во время заключения в «Матросске», Солоник сказал своему защитнику: «Я хотел бы, чтобы обо мне написали книгу или сняли фильм. Впрочем, что толку? Ведь мне не придется ни читать ее, ни смотреть».

В гостиничном номере сгустились сумерки. Давно уже зажглись фонари, окна домов, вспыхнули огни реклам, но Адвокат, сидя в полумраке, словно замороженный слушал голос давно уже мертвого человека...

Да, когда-то Александр Солоник действительно хотел, чтобы Адвокат написал о нем книгу, и желательно правдивую. Он оставил исходные материалы. Рассказал обо всем, что касалось собственного появления на свет, но в другом качестве – Александра Македонского.

Что-то Александр Солоник знал наверняка, о чем-то лишь догадывался, а что-то приходилось ему и домысливать.

Впрочем, за последнее никто не мог поручиться в точности, даже он сам...

Глава 1

Белоснежный океанский лайнер «Королева Елена» – огромный, грузный, величественный, пришвартованный толстенными, едва ли не с человеческую руку толщиной, канатами, стоял у причала афинского порта Пирей в ожидании таможенного и паспортного контроля. Слабый ветерок шевелил греческий флаг на корме. На причале появились портовые рабочие, толпились встречающие, суетились торговцы вразнос с лотками сигарет, прохладительных напитков, презервативов и местных сувениров.

Лайнер недавно прибыл из Стамбула. Пирей был транзитным портом по пути в Александрию, но большинство пассажиров выходили на берег именно тут. Среди них и верткие коммивояжеры, и беззаботные туристы с фотоаппаратами и видеокамерами, влекомые в Элладу школьными воспоминаниями о Парфеноне, Перикле и «трехстах спартанцах», и скромные религиозные паломники по святым местам Греции...

На верхней палубе, особняком от толпы, томимой жарой в ожидании момента, когда можно будет сойти на берег, стояли двое. Первый – серенький, неопределенного возраста мужчина то и дело бросал настороженные взгляды на толпу пассажиров. Скупые, уверенные движения, стертые, словно на старой монете или медали, лицо, неожиданно хищный прищур глаз. Второй пассажир «Королевы Елены» также ничем особым не выделялся: рост ниже среднего, лицо овальное, прямые светло-русые волосы. А вот взгляд угрюмый, настороженный, исподлобья.

Этих людей вряд ли можно было причислить к коммивояжерам или туристам, тем более к паломникам. Так могут выглядеть разве что люди, путешествующие по служебной надобности.

Рядом с «Королевой Еленой» лениво покачивались на ласковых волнах залива катера, фелюги и яхты. Погожим солнечным днем вода в бухте была пронзительно-синей. Солнечная дорожка слепила глаза, и серенький, достав из нагрудного кармана рубашки солнцезащитные очки, надел их.

– Ну что, Александр Сергеевич, не ожидали очутиться после тюрьмы на курорте? – не глядя на спутника, поинтересовался серенький. – Вы ведь когда покинули гостеприимную «Матросскую тишину»? – Он сознательно избегал слова «бежал». – Пятого июня? А сегодня всего лишь тринадцатое июля. Получается, всего-то чуть больше месяца прошло. Запомните этот день.

Его сосед ничего не ответил, а серенький продолжил:

– Ничего, немного отдохнете, наберетесь сил на этом курорте. А потом – за работу. – Видимо, солнце, море и беззаботная толпа настраивали обладателя черных очков на легкомысленный лад.

Тот, кого он назвал Александром Сергеевичем, подошел к поручням и взглянул на набережную. Фигурки стоящих в оцеплении полицейских, казавшихся с борта «Королевы Елены» игрушечными, заставили его прищуриться.

Спутник перехватил этот взгляд.

– Не волнуйтесь, паспорт у вас самый что ни на есть настоящий. Надеюсь, помните, что теперь вы не Александр Сергеевич Солоник, а Кесов Владимирос, сын Филаретоса и Марии, греческий репатриант из Рустави?

– Да уж помню, – вздохнул собеседник, тронув сумку, в которой лежали документы.

– Вот и отлично. Ну, давайте к трапу, на берегу нас ждут.

Паспортный контроль прошел без проблем. Спустя полчаса юркий «Фольксваген-Гольф» катил по запруженным машинами улицам в сторону тихого пригорода...

Рельефно выпуклая серебристая тарелка спутниковой антенны пронзительно-ярко блестела в лучах полуденного южного солнца, отбрасывая в стороны серебристые блики. Под залитой солнцем крышей красной черепицы расчирикались вездесущие воробьи. Они почти не отличались от родных, российских, и это была первая мысль, которая пришла в голову Саше Солонику на новом месте.

Серенький, бывший не кем иным, как Куратором, сразу же по прибытии поселил знаменитого еще недавно арестанта следственного изолятора «Матросская тишина» в загородном коттедже, небольшом, но уютном, а главное, безопасном. Комнаты с кондиционерами и вентиляторами, отнюдь не лишними в июльскую афинскую жару, маленький, но радующий глаз садик с дорожками, аккуратно посыпанными желтым песком, неглубокий чистый бассейн – все это находилось под наблюдением хитроумной системы сигнализации и скрытых наружных видеокамер.

– Располагайтесь, отдыхайте, теперь это ваш дом. – Серенький сделал по-хозяйски приглашающий жест. – На акклиматизацию и реабилитацию после тюрьмы вам дается две недели. Думаю, хватит. Ну пока, если что – звоните, телефон вы знаете...

Куратор, вежливо попрощавшись и пообещав позвонить, ушел, а Солоник, осмотревшись на новом месте, решил несколько дней посвятить отдыху.

Теперь, после всего пережитого, он имел право хоть немного расслабиться – наверное, впервые в жизни. А расслабляться было от чего...

Уже на следующий день, заметно отдохнувший и посвежевший, Саша уселся перед телевизором – спутниковая антенна отлично принимала российские программы: ОРТ, РТР, НТВ. Запасся он и газетами – «Коммерсант-Дейли», «Новая газета», «Московские новости», «Известия», «Сегодня». И во всех писали о нем – великом, ужасном и загадочном киллере, грозе российской мафии. Газетам вторили телевизионные каналы. Правда, сообщения зачастую противоречили друг другу, да и вряд ли хоть одно из них могло претендовать не только на объективность, но и на простую правдивость в изложении фактов.

Респектабельные «Московские новости» за 8 июня 1995 года всерьез утверждали:

«Рецидивист, профессиональный убийца и бывший спецназовец Александр Солоник 5 июня 1995 года совершил дерзкий побег из элитарного 9-го блока „Матросской тишины“ (где содержались в недавнем прошлом путчисты образца 1991 и 1993 годов), что до него не удавалось сделать никому.

Понятно: осуществить подобное он мог только при поддержке очень влиятельных людей. Ответить на вопрос, кто стоит за побегом, сегодня сложно. Но «послужной список» киллера позволяет сделать некоторые предположения.

В сентябре прошлого года в центре Москвы взлетел на воздух «Мерседес-600». В салоне сгоревшей машины нашли труп якобы ореховского авторитета Сильвестра (Сергей Тимофеев). Однако позже поползли слухи, что Сильвестр жив. Его вроде бы видели в Одессе, Москве и Вене. Если версия о живом Сильвестре верна, то побег Солоника может оказаться делом его рук...»

Киллера столетия, Александра Македонского, натаскивали на ликвидацию руководителей Североатлантического блока. Таково было предположение «Новой газеты».

«Еще до начала службы в милиции он служил в привилегированной воинской части в Группе советских войск в Восточной Германии, точнее, в бригаде спецподразделения военной разведки, сотрудников которой на Западе звали „красными дьяволами“. Эту бригаду тренировали для нападений и ликвидации высших военных руководителей стран – членов НАТО».

На самом деле срочную службу он проходил в обычной танковой части, пусть и гвардейской, пусть и в ГСВГ, но никакой не спецназовской. Сейчас из него делали едва ли не рус-

ского Джеймса Бонда, вездесущего загадочного агента «007». Естественно, ничего, кроме саркастической улыбки, у Солоника это не вызывало.

Наверное, ближе всех к правде оказалась «Комсомольская правда», писавшая несколько позже, 7 июля 1995 года:

«Призрак Солоника бродит по России. Нет, не жителя Кургана, бывшего милиционера и беглого зэка. А призрак отчаянного одиночки, неуловимого мстителя, пытающегося остановить уголовный беспредел, прогрессирующую криминализацию общества и государства. Да неужели же больше некому?»

Саша отложил газеты, задумался, морща лоб.

Да, наверное, больше действительно некому. Если бы было кому, то вряд ли бы загадочная структура, стоявшая за ним, стала вытаскивать его, Александра Македонского, из «кагэбэшного» Девятого спецкорпуса «Матросской тишины». Вряд ли бы с ним стали возиться, выправлять дорогостоящие документы. Вряд ли бы переправили сюда, в Грецию. На него и теперь делали ставку.

Он, Александр Солоник, был не просто киллером. Из него создали монстра, эдакого «крошку Цахес», именем которого было удобно пугать. И им пугали. И он, Александр Македонский, прекрасно знал это...

Саша смежил веки и, вытянув ноги, отключил звук телевизора, щелкнул кнопкой вентилятора. Ощущение полной безопасности, которое он испытывал тут, в уютном коттедже под Афинами, успокаивало. Конечно, ближайшее будущее туманно, но даже такая неопределенность лучше грядущего суда с хорошо предсказуемым приговором к высшей мере. Впрочем, приговор этот может быть заменен на пожизненное заключение, но и перспектива провести остаток жизни в спецтюрьме для «пожизненников» на острове Огненном, конечно же, не могла радовать.

Воздушные волны, вздымаемые мощными лопастями вентилятора, навевали прохладу лицу, шевелили волосы, и Александр, расслабившись, скрупулезно воскрешал в памяти события, предшествовавшие сегодняшнему дню. Он неторопливо перелистывал книгу жизни, и печального в ней было куда больше, чем радостного...

В 1978 году уроженцу города Кургана Александру Сергеевичу Солонику исполнилось восемнадцать. Это значило, что он имел полное право жениться, избирать и быть избранным в органы власти, но также пришла пора призваться в армию.

О женитьбе он тогда и не помышлял, тем более о выборных должностях, зато повестка из военкомата не заставила себя ждать. Призывник с кристально чистой, назаятнанной анкетой и стопроцентным пролетарским происхождением (отец – железнодорожник, мать – медсестра), Саша Солоник в числе немногих попал за границу, в ГДР, которая в то время была членом Варшавского Договора и надежным стратегическим союзником Советского Союза.

Два года службы пролетели быстро, и, вернувшись домой, счастливый дембель встал перед естественным вопросом: что делать дальше?

Учиться пять лет в вузе на правильного стосорокарублевого инженера или учителя средней школы?

Ехать по комсомольской путевке на БАМ, таскать шпалы и кормить собой таежный гнус?

Устраиваться в бригаду шабашников, специалистов по покраске фасадов высотных зданий на Дальнем Востоке, или каменщиков, виртуозов мастерка и отвеса где-нибудь на Крайнем Севере?

Учиться его тогда не тянуло. Даже строительный техникум, в котором он был вроде бы на хорошем счету, пришлось бросить. Таскать шпалы на участке Беркакит—Тында не было желаний, так же, как горбатиться по десять-двенадцать часов, пусть даже и за большие деньги, в зонах с тяжелыми климатическими условиями.

А потому дальше была милиция – пресловутая ППС, патрульно-постовая служба.

В ментовку Солоник попал скорее по инерции, нежели по твердо осознанному желанию: купился на дешевую романтику в духе крутых детективов, которые в те времена всюду печатались в популярном журнале «Человек и закон». В них воспевались беззаветное служение законности и порядку, романтическая игра в полицейских и воров, сыщиков и бандитов, где все правила игры неукоснительно выполняются обеими сторонами. На самом деле в нелегкой милицеевской службе не было никакой романтики, и это новый сотрудник понял меньше чем через месяц. Свободное время короталось в коллективных пьянках, игре в подкидного дурачка и рассказах о постельных победах над местными девицами, по большей части сочиненных на скорую руку. В ментовке царил грубый мат, чинопочитание, подозрительность, тихое стукачество друг на друга, исподволь поощряемое начальством, которое едва ли не в открытую собирало компромат на всех без исключения подчиненных.

Короче говоря, месяца через два Солоник окончательно разочаровался в своем первом жизненном выборе. Но писать заявление «по собственному желанию» не спешил: и впрямь, куда пойдешь на работу, если успел послужить поганым ментом? Если лишить человека в погонах привычных символов власти: полосатого жезла, «уазика» канареечной раскраски, кабинетика в РОВД с телефоном, табельного «макарова», давно не утюженной формы и служебного удостоверения – что от него останется?

Вопрос риторический...

Новый сотрудник ППС был отнюдь не глуп и быстро понял эту нехитрую, но справедливую истину. Равно и суровые реалии своего теперешнего бытия: жизненный опыт скуден, образования, считай, никакого, настоящее серо, однообразно и потому неинтересно, будущее туманно. А главное – налицо полное несоответствие возможностей и желаний, причем желания превосходили возможности.

И молодая энергия, не находя выхода на милицеевской службе, обратилась в иную, совершенно естественную сторону: недорогие, но душевные бабы стали едва ли не смыслом жизни сержанта МВД Саши Солоника.

Баб у него было много – счет шел на десятки, если не на сотни. Курганские бляди, молодые и красивые, отличались неприязнительностью и, как следствие, не в пример московским сравнительной дешевизной. Если женщина не ценит себя, ее всегда можно купить, главное – угадать с ценой. Аксиома сия столь же верна, как и народная мудрость: «сучка не захочет – кобель не вскочит». А цена в условиях развитого социализма в русской провинции была стандартной: накрыть «поляну», выставить бухло позабористей, чего-нибудь наплести о любви, женской красоте и высоких чувствах. Намекнуть, что эта встреча не последняя – в следующий раз можно и в кабаке посидеть. После всего этого можно со спокойной совестью переходить к совокуплению с очередной телкой до полного изнеможения.

Покупались, как правило, все или почти все. Наверное, с тех пор Саша и относился к женщинам как к глупым, продажным тварям, которых жестоко презирал, но без которых тем не менее обойтись не мог.

Жизнь текла по накатанной колее: дежурства в родной ментовке сменялись выходными, одни телки – другими. Составлялись рапорты о дежурствах, выносились благодарности и порицания начальства...

Женился, родился сын. Затем, как и водится, развод. Вновь женитьба, еще один ребенок...

Вскоре в ментовку пришла очередная разнарядка на поступление в «вышку», Высшую школу милиции. Как ни странно, пэпээсник Александр Солоник был на хорошем счету, и через несколько месяцев на его погонах, рядом с сержантскими лычками, блестели буквы «К», означавшие, что он стал курсантом Высшей школы милиции в городе Горьком.

Жизнь вдали от родного дома имеет свои преимущества, и Саша, любивший блядовать не меньше, чем многие из его коллег брать взятки и вытряхивать содержимое карманов подобранных пьяниц, вскоре уяснил для себя основную ценность такой жизни. Большой город, где нет ни родных, ни знакомых, давал замечательную возможность заняться любимым делом – траханьем телок. Тем более что приволжские бабы выглядели куда более свежими и незатасканными, нежели курганки.

Естественно, это увлечение курсанта «вышки» не могло не укрыться от милицейских педагогов, и вскоре Александр Солоник с отрицательной характеристикой был отправлен домой.

Пришлось возвращаться на родину. Безусловно, моральный разложенец вынужден был уйти из милиции. Курганское милицейское начальство в ответ на полученную из Горького «свинью» отправило туда рапорт: такой-то в органах внутренних дел больше не числится.

Но крест на милицейской службе тем не менее поставлен не был. После недолгой работы в автоколонне Солонику вновь предложили надеть погоны: на этот раз во вневедомственной охране. Впрочем, и там он прослужил недолго. После очередного скандала (естественно, с участием телок) ему пришлось снова уйти из системы МВД. На этот раз – навсегда...

Как ни странно, но бывший мент быстро нашел себя на другом поприще – на городском кладбище. Работа землекопа в «Спецкомбинате» таила в себе немало преимуществ, главным из которых был высокий и относительно стабильный заработок. Телки в его однокомнатной квартире менялись чаще, чем автокатафалки у ворот кладбища.

Возможности постепенно сравнивались с желаниями. Точнее, наоборот: желания с реальным положением дел. Саша купил машину, пусть «жигуль», пусть подержанный, зато свой. Потихоньку обставил квартиру, доставшуюся в наследство после смерти одного из родственников. А главное – вел тот образ жизни, который считал для себя вполне приемлемым и который ему, естественно, нравился. Он регулярно тренировался в спортзале, выезжал на природу с приятелями, гонял на собственной тачке по ночному Кургану. Не стоит и говорить, что молодые жительницы города по-прежнему оставались далеко не последним пунктом его жизненной программы.

А тучи над головой Солоника тем временем сгущались, и он даже не мог предугадать, насколько серьезно...

Однажды в спортзале, где Саша регулярно занимался атлетизмом, к нему подошел молодой человек, представившийся старшим следователем ГУВД. Небрежно продемонстрировав молодому человеку служебные корочки и вспомнив о милицейском прошлом завсегда спортиста, мусор без обиняков предложил Солонику стать внештатным сотрудником милиции, иначе говоря – стукачом.

Естественно, ответ был категорически отрицательным. Солоник заявил, что с ментовкой в его жизни покончено, что быть стукачом противно его убеждениям. А чтобы до мусорского следака побыстрее дошло, предложил тому отправляться подальше. Кладбищенский землекоп был оставлен в покое, но до поры до времени. Разобиженный следователь затаил злобу, видимо, поклявшись продемонстрировать полноту собственной власти, и оказался на редкость мстительным. Спустя несколько недель гр. Солоник А. С. получил повестку в городскую прокуратуру, где Саше было предъявлено обвинение сразу же в четырех изнасилованиях, якобы совершенных им год назад. Актов медицинского освидетельствования в уголовном деле не оказалось, так же как очных ставок и прочих процессуальных формаль-

ностей, но из здания городской прокуратуры Солоник вышел уже не простым гражданином, а подследственным.

А дальше был самый гуманный в мире советский суд, на котором у него не было ни грамотной защиты, ни серьезного алиби (какое алиби через год?). Зато у судьи, толстой, дебелой тетки, открылось вполне понятное женское сочувствие к «потерпевшим» и пресловутое «внутреннее убеждение», стоившее подследственному по статье 117 частям II, III восьми лет лишения свободы с отбыванием срока наказания в колонии усиленного режима.

Солоник, подогреваемый чувством собственной правоты, бежал прямо из зала суда и, грамотно обманув преследователей, скрылся в неизвестном направлении. Впрочем, спустя несколько месяцев он всплыл в Тюмени, где и был задержан милицейскими операми.

Состоялся еще один суд. На этот раз за побег Саше навесили дополнительно еще четыре года, и он с клеймом мусора, залетевшего за «решки» по «мохнатке», то есть за изнасилование, был отправлен в один из многочисленных лагерей Пермской области.

Естественно, с таким букетом не подходящих для зоны качеств Солонику пришлось несладко. Зона была не «красная», а «черная» – то есть масть там держали блатные. Они и приговорили его к «петушатнику»: после ритуального «опущения» новый зэк, по мнению истинных хозяев зоны, должен был пополнить ряды Светок, Танек, Машек, Клавков и прочих изгоев лагерного мира.

Первая же попытка загнать его в «петушатник» провалилась с треском: Саше это стоило семнадцати шрамов на голове, сотрясения мозга и обширной гематомы, но он отстоял себя. Как ни странно, блатные пострадали сильнее: несколько нападавших с переломами рук и ног были доставлены на «крест», то есть в медсанчасть, а «смотрящий» зоны за то, что не сумел привести приговор в исполнение, был разжалован в «мужики».

Вскоре Солоник был переведен от греха подальше в Ульяновскую «восьмерку», ИТК 78/8. Непонятно, каким образом он попал в поле зрения некой загадочной, но, судя по всему, могущественной структуры. Равным образом непонятно, чем именно заинтересовал ее, но вскоре состоялась встреча с ее представителем. Тот без обиняков предложил зэку побег, но в обмен на свободу Саша должен был отдать себя в полное распоряжение этой самой структуры.

Тогда Солоник подумал, что на него вышла «контора», то есть вездесущий и могущественный КГБ, но он ошибался: это была не «контора», а нечто похуже.

Терять осужденному менту, который не сегодня завтра обречен получить заточку в пещеру, было нечего. Александр, которому предстояло «откинуться» аж после двухтысячного года, принял предложение. Он вновь бежал, и побег оказался удачным, потому что план побега был разработан специалистами и на воле его уже ждали. Но с тех пор душа и тело беглеца были внесены в реестр этой самой загадочной структуры (он и сам не знал, какой именно). Так Солоник, купивший спасение столь дорогой ценой, сделался заложником собственной свободы.

Он понял это спустя несколько месяцев – в специальном тренировочном центре в Казахстане. Там его вместе с несколькими десятками других (большинство из них были с уголовным прошлым) готовили по ускоренной и усиленной программе. В нее входили акции по физической ликвидации, которые никогда не будут раскрыты, производство взрывчатых веществ, казалось бы, из совершенно безобидных вещей, вроде тех, что продаются в магазине «Бытовая химия». А еще – изготовление одноразовых глушителей из подручных материалов: от картона до капустной кочерыжки, методика установки и пользования прослушивающими устройствами, основы слежки и конспирации, театральная гримировка, прикладная медицина. Вдобавок ко всему – курс атлетизма, изматывающие кроссы, полоса препятствий, стрелковый тир, спецкурс по вождению автомобиля.

Там, в Центре подготовки, состоялась его первая встреча с немолодым уже начальственного вида мужчиной, известным под псевдонимом Координатор. Судя по всему, он и стоял за кулисами этой загадочной и могущественной организации. Состоялась долгая, утомительная беседа, и Солоник так до конца и не понял, чего от него хотят.

«Александр Сергеевич, скажите, вам нравится, когда вас боятся? – спросил тогда Координатор, испытующе глядя на недавнего узника ИТК. – Ну вспомните – может быть, в школе, может быть, в армии или потом, в милиции. Или в Ульяновской ИТК. Ваше имя внушает страх – пусть не слишком сильный, но все-таки страх. Вас сторонятся, с вами не хотят встречаться даже взглядом, и прежде чем что-нибудь вам сказать, люди долго думают. Приятно?»

Тогда он, человек, лишенный прав, человек вне закона, который имеет лишь обязанности перед теми, кто даровал ему свободу, не понимал всей глубины этих заданных ему вопросов. Не знал, естественно, и ответов на них.

«Это дает ощущение собственной значимости, – со странной улыбкой резюмировал тогда Координатор, – чувство независимости. Скорей, даже не чувство, а иллюзию. Она защищает, создает невидимую оболочку. При этом вы сильно возвышаетесь в глазах окружающих...»

Страх имеет свою цену. Солоник понял это лишь через несколько лет, после окончания курса спецподготовки, где и его, и таких же, как он, курсантов натаскивали для физического устранения лидеров российского криминалитета.

Первые выстрелы прозвучали в Тюмени – Саша на удивление легко завалил двух местных авторитетов, после чего сразу же выехал в Москву. Куратор, безусловно, бывший чекист, приставленный к нему в качестве инструктора, оперативного руководителя и соглядатая одновременно, готовил Солоника к очередным отстрелам грамотно, не спеша и с толком. За короткий срок от руки киллера пали влиятельный вор в законе Валерий Длугач, известный также как Глобус, его правая рука Владислав Абрекович Выгорбин (он же Бобон), несколько авторитетов рангом ниже.

Видимо, теневая структура, стоявшая за этими загадочными убийствами, готовила из Александра Македонского (получившего это странное на первый взгляд прозвище за умение стрелять с обеих рук) не только киллера, но и настоящее пугало преступного мира, эдакого «крошку Цахес». Он был нужен не столько в качестве ликвидатора, сколько в образе «бича божьего». Саша понял это позже, когда на него стали вешать убийства едва ли не всех преступных авторитетов Москвы. Куратор готовил его к убийству Отари Квантришвили, но вскоре «исполнение» хозяина «Ассоциации XXI век» было по непонятным причинам отложено. Тем не менее Отарика убили грамотно и профессионально. Уже потом, спустя несколько месяцев, это убийство навесили на него так же, как завал нескольких серьезных московских авторитетов и влиятельных воров в законе.

Так уж получилось, что вскоре Солоник вплотную сошелся с шадринскими: с середины девяностых эта преступная группировка стала в Москве притчей во языцех, грозой и ужасом столицы. Точно так же, как в свое время люберецкая или чеченская.

Как ни странно, но сотрудничество профессионального киллера с шадринскими стало выгодным всем без исключения. Теневой структуре, которая стояла за Александром Македонским, поскольку агент-ликвидатор вроде бы занимал в преступном мире Москвы определенную нишу. Это отлично маскировало Солоника под наймита оргпреступности, и заказные убийства можно было списать на бандитов. Ну а в случае провала агента теневая структура автоматически выводилась из-под удара. Шадринскими контакты с Сашей тоже в плюс, потому что присутствие в «бригаде» столь серьезного человека придавало ей вес, да и стрелком он действительно был от бога. Ну а самому Солонику – потому, что заказ на «исполнение» зачастую дублировался и Куратором, и шадринскими бандитами, от которых киллер, естественно, получал деньги (как, например, за ликвидацию того же Бобона).

Жизнь текла своим чередом, и Саша волей-неволей проникался мыслью, что он наконец-то пришел к соответствию умозрительного и реального, возможностей и желаний. Правда, подсознательно он понимал: никакая пролитая кровь не остается безнаказанной, и человек, вступивший на путь заказных убийств, рано или поздно сам рискует быть «заказанным» и получить пулю в затылок. Да и сколько веревочке ни виться, а конец всегда будет. Киллер был далеко не так глуп, чтобы не осознавать справедливость столь банальных утверждений, но старался отгонять от себя эти мысли. К тому же разум – гибкий утешитель: не я «исполню», так кто-то другой. Вон она, целая структура под меня работает!

Да и судьба больше не оборачивалась к нему задом. Наоборот, тащилась за ним с покорностью восточной рабыни. Роскошные тачки, несколько квартир по Москве, круизы по экзотическим курортам, красавица Алена – женщина, к которой он возвращался всегда, какими бы бурными ни были его приключения на стороне. А главным оставался все-таки тот самый страх, который внушало его имя...

Как известно, жизнь изменчива и непредсказуема, а судьба, еще вчера так благоволившая к Македонскому, неожиданно отвернулась от него и, как показалось тогда, – навсегда...

В октябре 1994 года Солоник с одним шадринцем по фамилии Монин прогуливался в районе Петровско-Разумовского рынка. Он готовился «исполнить» «бригадира», одной московской группировки, которого одновременно „заказали“ и шадринские, и теневая структура, на которую он работал. И надо же было такому случиться, что и Сашу, и его напарника задержал обыкновенный ментовский патруль. У Солоника был с собой пистолет «глок». В упор расстреляв милиционера, Македонский попытался скрыться. В отличие от Монина, который, смешавшись с толпой, благополучно исчез, киллер побежал к железнодорожной насыпи, демонстрируя при этом чудеса меткости и скорострельности. В итоге на рынке остались три трупа милиционеров и один – охранника, но загадочный киллер с простреленной почкой попал в руки РУОПа.

Сверхметкая стрельба на рынке навела следствие на естественные подозрения, и они оправдались. Судя по оперативным сообщениям, человек, подозреваемый в убийствах воров в законе Валерия Длугача (Глобуса), Виктора Никифорова (Калины), авторитетов Владислава Выгорбина (Бобона-Ваннера), Михаила Глодина и многих других, и есть этот самый Александр Солоник. Впервые за последние годы в руки милиции попал настоящий наемный убийца.

Истекавшего кровью пленника отправили в «двадцатку», московскую больницу номер двадцать, последний этаж которой, забранный в решетки и тяжелые стальные двери, и предназначен для раненых бандитов, которых свозят сюда со всей Москвы. Тут их по мере возможностей вылечивают, выхаживают и сдают в СИЗО, а при летальном исходе – братве для последующих похорон.

Солоник выжил – тренированный организм взял свое. После удаления простреленной почки «самая загадочная личность в русской криминальной истории», как писали о нем газеты, был препровожден в следственный изолятор № 1 «Матросская тишина». Его поместили в 9-й блок, еще недавно находившийся в компетенции страшного и могущественного КГБ.

Именно там, в мрачном доме без архитектурных излишеств, сошлись пути Александра Македонского и Адвоката – человека, принявшего на себя защиту киллера не столько из-за здорового профессионального цинизма, столь присущего людям его профессии, сколько из-за понимания собственного назначения: любой человек, будь то маньяк, серийный убийца или киллер, имеет право на защиту.

И действительно: Адвокат делал для подследственного все что мог. Хотя реально мало что можно сделать для человека, на которого вешают едва ли не полтора десятка убийств, из которых минимум шесть доказуемы (не говоря уже о других статьях). И он, и подследствен-

Новенький, в смазке автомат Калашникова с оптическим прицелом, дорогой арбалет со стрелами, американская «М-16», девятимиллиметровый пистолет-пулемет «узи», семи-миллиметровая бельгийская снайперская винтовка «FN 30-11»...

Можно было и не гадать о содержании беседы с Куратором, запланированной на первое августа, а если и гадать, то лишь о намеченных кандидатурах и деталях.

Глава 2

В центре Москвы, в пределах Садового кольца, есть немало зданий, истинное предназначение которых довольно загадочно. Например, старинный, превосходно отреставрированный особняк в районе Китай-города, хорошо знакомый многим московским старожилам. Новенькие стеклопакеты на окнах отсвечивают пуленепробиваемой коричневой пленкой, мощный булыжником дворик огорожен изящными решетками чугунного литья. Бросался в глаза лес установленных на крыше антенн самого загадочного свойства. Во дворике постоянно стоят несколько роскошных иномарок с не поддающимися расшифровке номерами. Мало заметные видеокамеры наружного наблюдения установлены на карнизах вдоль дома.

Золотая табличка у подъезда извещает, что в старинном особняке располагается охранная фирма, что объясняет и многочисленные видеокамеры наружного наблюдения, и детективно-шпионские атрибуты вроде антенн, но невольно наводит на мысль: каким же мощным финансовым потенциалом должно обладать это агентство, чтобы содержать такую роскошь в центре столицы? А может, за роскошной дубовой дверью вовсе не охранное агентство?

Человек наивный и впрямь поверит объяснению, которое предлагает табличка у двери. Любитель политических тайн наверняка решит, что это перед ним надземные этажи засекреченного спецбункера правительства, построенного на случай третьей мировой войны.

Но все это не так. Или не совсем так.

Охранная фирма действительно реально существует в старинном особняке. Налицо и юридический адрес, и расчетный счет в банке, и лицензия на охранную деятельность, и круглая печать, и бланки, и разрешения на спецтехнику, нарезное оружие. Тексты договоров обеспечивают законность прохождения денег, и ни одна самая дотошная инстанция, от налоговой инспекции до отдела борьбы с экономической преступностью, не найдет даже малейшего нарушения.

Впрочем, таковые инстанции не особенно беспокоили обитателей старинного особняка в Китай-городе. Здесь, в центре Москвы, под крышей «охранного агентства», располагалось засекреченное спецподразделение, часть структуры, издавна известной в России под пугающим словечком «органы».

Российские «органы», каковыми бы они ни были и как бы в разное время ни назывались – Третье отделение или ЧК, НКВД или Тайный приказ, КГБ ли, МБ, ФСК или ФСБ, – всегда остаются «органами», выполняющими охранную, аналитическую и карательную роль по отношению ко всему, что представляет угрозу государственной безопасности. Еще в конце восьмидесятых и в Кремле, и на Лубянке пришли к парадоксальному на первый взгляд выводу, который при ближайшем рассмотрении парадоксальным вовсе не являлся: наибольшую угрозу основам российской государственности представляют ныне не зловерные шпионы и не козни заокеанских врагов, а собственная организованная преступность.

Новые, доселе неизвестные рыночные отношения породили и новые виды нарушений законности, также неизвестные прежде. Продажность милиции, несовершенство судебной и пенитенциарной систем привели к глубокой криминализации государства. Еще в конце восьмидесятых кагэбэшные аналитики рисовали самые мрачные перспективы. Именно тогда в недрах Лубянки и была создана тайная структура для физической ликвидации лидеров преступного мира. Структура эта, получившая кодовое название «С-4», и вошла в подразделение, офис которого находился в старинном московском особняке.

Новое подразделение собрало под свои знамена бывших комитетчиков и гэрэушников, опытных сыскарей из Московского угрозыска, аналитиков, специалистов спецсвязи, шифровальщиков. Но они лишь просчитывали варианты, обеспечивали техническую сто-

рону дела – прослушкой, разведкой, документацией. Боевым «наконечником» подразделения была «С-4».

Спецслужба, занимающаяся физической ликвидацией, сама по себе означает явное нарушение Конституции и множества вытекающих из нее юридических положений (презумпции невиновности, права на адвокатскую защиту). По этой причине она не могла находиться на балансе ФСБ и финансироваться из бюджета. Именно потому ее и вывели в отдельную структуру, вроде бы коммерческую охранную фирму.

При этом фирма не брала из бюджета ни копейки, добывая средства к существованию охраной коммерсантов, сопровождением грузов, поиском должников и выбиванием долгов, сбором заказной конфиденциальной информации – промысел, считавшийся ранее исключительно бандитским, был узаконен официально. Денег хватало и на хлеб с маслом, и на содержание офиса, и на приобретение дорогостоящей техники, и на ликвидационные акции, и на многое другое. Впрочем, на Лубянке об истинной сути охранной фирмы и о «С-4», структурно в нее вошедшей, естественно, помнили. Отношения с бывшими коллегами, притом самого высшего звена, складывались у хозяина офиса превосходно. «Охранная фирма» была весьма удобна чекистам. То, что невозможно было исполнить законными средствами, в случае чего можно было повесить на внесударственную структуру. По этой причине фээсбэшные генералы порой закрывали глаза на тайные и не очень тайные нарушения закона. Например, когда лидеров оргпреступных группировок «исполняли» по заказу из старинного китайгородского особняка, после чего банки и финансовые компании, бывшие доселе под «крышей» оргпреступности, переходили к «охранной фирме».

Да и кто сегодня в России может сказать, что такое закон и что означает его нарушение?!

Так они и существовали параллельно – спецслужба явная и спецслужба тайная. Они пользовались различными методами, но у них были общие враги и общие цели. Правда, в отличие от официальной лубянской «конторы», «охранная фирма» давно уже не исповедовала положение Дзержинского о «чистых руках, горячем сердце и холодном уме». «Цель оправдывает средства», «из двух зол выбирают меньшее», «деньги не пахнут» – в параллельной спецслужбе давно уже были убеждены, что именно эти афоризмы связаны между собой логически и всегда действуют убедительно...

Кабинет выглядел холодным и каким-то безжизненным, несмотря на дорогую стильную мебель, изящные гравюры на стенах и роскошный ковер на полу. Видимо, мертвым и неуютным делали его и темно-серые стены, придававшие помещению официально-казенный вид, и компьютер с переплетением идущих от него кабелей, и тяжелый сейф в углу, и огромный стол для совещаний, невольно воскрешавший в памяти документальные фильмы двадцатилетней давности о партийных лидерах высшего звена.

За огромным столом, заставленным телефонами и заваленным бумагами, сидел пожилой мужчина явно начальственного экстерьера: размеренные движения, уверенный взгляд и вальяжные жесты красноречиво свидетельствовали, что он привык командовать. Военная выправка свидетельствовала, что хозяин кабинета немало лет жизни провел на службе государству.

Так оно и было. В свое время руководитель «охранной фирмы» больше двадцати пяти лет занимал различные кабинеты на Большой Лубянке, уйдя в резерв в начале девяностых генерал-майором. Что и говорить, привычки, манеры, даже вечно замкнутое выражение лица въелись в нутро – так угольная пыль въедается в кожу шахтеров, большую часть жизни проводивших в забое.

Хозяин этого кабинета, да и всего особняка, не любил, когда его называли по имени-отчеству: за время, отданное «конторе», он слишком привык к своему оперативному псев-

дониму Координатор. Даже теперь, уйдя в резерв, предпочитал именоваться именно так, а не иначе.

Впрочем, не он один имел тут, в старинном особняке, привычку скрывать настоящее имя: человек, сидевший напротив, – неопределенного возраста мужчина – был больше известен здесь по оперативному псевдониму Куратор.

– Ну, как наш подопечный на новом месте? – Хозяин кабинета, оторвав взгляд от бумаг, выразительно взглянул на серенького.

Тот откашлялся.

– Отдыхает, набирается сил.

– Вы уже беседовали с ним о его дальнейшей судьбе?

– Пока нет. Мне кажется, ему необходимо прийти в себя. Побег из следственного изолятора, шумиха вокруг его имени, спешный переезд за границу, конспирация, все эти кинематографические подробности... – Серенький позволил себе улыбнуться, но едва заметно, лишь уголками губ. – Налицо стресс. Теперь он утомлен, немного деморализован и дезориентирован. Но, думаю, быстро сообразит, что от него требуется.

Координатор мягким движением пододвинул собеседнику пепельницу и початую пачку сигарет, что служило признаком хорошего настроения.

– Спасибо, – кивнул тот, а бывший кагэбэшный генерал, глядя не на подчиненного, а в какую-то одному ему известную точку в пространстве, продолжил размышления:

– Все пока складывается как нельзя лучше. Когда в «Матросской тишине» он поставил нам жесткое условие – мол, или вытаскивайте меня из-за решетки, или сдаю всех, как в упаковке, – наверное, считал себя во всей этой крапленой колоде едва ли не козырным тузом. А на самом-то деле оказался некозырной шестеркой. Ну, пошли мы навстречу, помогли. И каков расклад теперь?

Хозяин охранной фирмы мог и не задавать этого вопроса – теперешняя ситуация вокруг Александра Македонского давно уже была просчитана сереньким его собеседником всесторонне и емко.

Да, стопроцентному кандидату в смертники помогли бежать. Не только потому, что у киллера было имя, наводящее ужас, не только потому, что он действительно блестящий исполнитель. И уж тем более не из гуманности и человеколюбия. В тишине старинного китайгородского особняка опасались открытого суда, грядущего скандала, обещавшего стать вселенским. В кабинете для свиданий следственного изолятора знаменитый арестант угрожал назвать заказчиков, рассказать об оперативных разработках, специальном Центре подготовки в Казахстане, где ему пришлось побывать. Он свободно мог назвать новых кандидатов на «исполнение» и вообще устроить из суда шоу для газет и телевидения. Его спасли, и что же теперь? Он вновь марионетка в руках этих кукловодов, потому что беглецу есть чем дорожить: свободой и самой жизнью. Он осознает, на кого теперь может рассчитывать, и уж наверняка должен быть послушным, не устраивать никакой самостоятельности. Александр Македонский на воле, в бегах был куда выгодней Александра Македонского в тюрьме, в камере смертников.

Начальник понимающе взглянул на подчиненного, профессионально отметив про себя: эту тему можно и не продолжать – и без того все понятно. А потому решил перейти непосредственно к делу.

– Его, конечно же, ищут по полной программе. – Координатор, закурив, на секунду окутался сизоватым дымом. – Как и положено: РУОП, МУР, братья-чекисты. Ну, и бандиты, естественно.

При упоминании о бандитах серенький немного оживился.

– Кто именно?

– Вот посмотрите. – Бывший генерал «конторы» загремел связкой ключей от сейфа, отпер, потянул на себя тяжелую дверку и извлек папку с веревочными тесемками. – Урицкая группировка, вы в курсе? – С этими словами он протянул собеседнику пачку фотографий.

Первый снимок явно делался в СИЗО. Черно-белые изображения анфас и в профиль, фамилия внизу, неровно набранная по буквам на специальной линейке, хищный прищур небольших, глубоко посаженных глаз, мощный квадратный подбородок, прижатые к черепу уши профессионального боксера. Вторая фотография, цветная, представляла героя в более выгодном ракурсе: махровый купальный халат, синяя гладь бассейна за спиной, равнодушно-снихождительная улыбка, две полуобнаженные молоденькие брюнетки сидят у него на коленях. На третьей этот же человек был изображен за рулем джипа, на четвертой – стоящим на тихой безлюдной улочке, мощенной крупным булыжником. Последняя фотография, видимо, делалась где-то на Западе.

Куратор, щелкнув зажигалкой, закурил и внимательно вглядывался в снимки, чтобы навсегда запомнить их персонажа. Вернув пачку хозяину, осторожно поинтересовался:

– А кто это?

– Некто Сергей Свечников, известный также как Свеча. Уголовный авторитет среднего уровня. Ныне подвизается в урицкой группировке, где за старших – братья Лукины, Михаил и Николай. Курирует их вор в законе Крапленый, известная на Москве личность...

При замечании о том, что персонаж фотографий всего лишь «уголовник среднего уровня», причем не из самой могущественной столичной «бригады», лицо Куратора приобрело удивленное выражение. Отметив это, Координатор продолжал:

– Личное дело Свечникова изучите самостоятельно, пока даю вам общую канву. Этот человек – двоюродный брат знакомого нам Валерия Длугача, более известного как Глобус. Несколько лет назад Глобус, в то время – один из самых влиятельных законников Москвы, вызвал из провинции в столицу братишку, бывшего боксера, мастера спорта. Видимо, решил сделать из него человека – на свой лад, конечно. Свечников оказался человеком неглупым, постепенно выбился в авторитеты, набирая вес в криминальном мире. Дальнейшее вам известно: Глобуса ликвидировал наш герой, а без поддержки брата-законника уголовная карьера Свечи, естественно, застопорилась. Роль звеньевого в урицкой группировке, не самой влиятельной, вряд ли может его устраивать.

Серенький подался корпусом вперед.

– И что же Свеча?

Координатор убрал папку в сейф, а вместо нее извлек оттуда другую, потоньше.

– Вот оперативные разработки, агентурные сведения, данные «наружки» и прослушки. Потом ознакомьтесь. По правилам игры и пресловутым понятиям Свеча обязан отомстить убийце брата. Во-первых, ради морального удовлетворения, во-вторых, для укрепления авторитета в уголовной среде, прежде всего – среди законников, друживших и с Глобусом, и с другими жертвами Солоника. Убийце Глобуса, Бобона и многих других людей рассчитывать не на что: поднявший руку на вора в законе должен быть мертв. А если вор еще и брат, пусть даже двоюродный? Только война до победного!

Серенький слушал молча. Зрачки его сделались прямо-таки микроскопическими, словно две точки. Казалось, отсюда, из тихого кабинета, он пытался рассмотреть и Свечу, и братьев Лукиных, и Солоника, и всю ситуацию вокруг своего подопечного. Докурив, аккуратно впечатал окурки в хрустальную пепельницу.

– Наверняка Свеча – не единственный, кто будет искать Солоника? – спросил он наконец.

– Безусловно, – понимающе улыбнулся бывший чекистский генерал. – Есть еще и милиция. И она, как ни странно, тоже иногда ловит преступников. А для милиции поймать нашего героя – дело принципа. Насколько мне известно, в РУОПе его поиск возложен на

некоего Олега Воинова. Я ознакомился с его личным делом: проходимец, карьерист, службист, законченный негодяй. Короче говоря, типаж весьма характерный для этой структуры. Прекрасно понимает, что поимкой легендарного Саши Македонского он может сделать себе головокружительную карьеру в РУОПе. Запугать, а тем более купить его не удастся. Он тоже будет сражаться до победного...

Дальнейшая беседа была уже не столь конкретной, а носила более общий характер. Теперь говорил преимущественно Куратор, а его начальник молча слушал, рассеянно стряхивая с сигареты пепел в пепельницу.

Постепенно вырисовывалась ситуация: в Москве Александра Солоника могли прикрывать только шадринские, к которым он был внедрен еще года полтора назад и среди которых был в авторитете. Но теперь, в середине девяносто пятого, шадринские переживали не лучшие времена. В войне с клинской группировкой они потеряли много людей. Всем известно, чем чреваты войны между соперничающими бандитами: никакого легального бизнеса, никаких серьезных дел – деньги, энергия, время расходуются лишь на тотальное истребление конкурентов. Как следствие, обе стороны несут серьезные людские потери: часть оппонентов с обеих сторон оказывается в моргах, часть – в больницах, часть – в руках Регионального управления по борьбе с организованной преступностью и, как следствие, на шконках СИЗО...

– К тому же Солоник теперь в Греции, активное участие его в делах шадринских практически сведено к нулю, – завершил Куратор свой краткий доклад.

Беседа увяла. Вывод напрашивался сам собой: суперкиллер Александр Македонский, которого ищут и менты, и бандиты, должен остаться послушной марионеткой в руках тех, кто заинтересован в его дальнейшей профессиональной деятельности. Теперь этому человеку больше никто не поможет.

Серенький убрал в кейс папку и собрался уже уходить, но в последний момент вспомнил еще об одном пункте беседы.

– Я прошу прощения...

– Да, что еще?

– Его адвокат.

Упоминание об Адвокате не застало Координатора врасплох. В отношении недавнего защитника Солоника и он, и его подчиненный были единодушны: защитник слишком много знал, владел слишком серьезной информацией и по этой причине выглядел в этой истории лишним.

– Я уже продумал, что и как, – спокойно отреагировал хозяин кабинета. – Инсценируем покушение. Вроде бы человек неглупый, поймет: это – предупреждение, последнее... Кстати, когда вы вылетаете в Грецию?..

Машина, на которой ездил по Афинам Куратор, чем-то напоминала своего владельца: светло-серый «Фиат-Типо», столь неприметный на запруженных автотранспортом улицах греческой столицы. Никаких особых примет – тонированных стекол, навороченных дисков, трехметровых антенн, никаких надписей на солнцезащитном козырьке, никаких царапин и вмятин и с трудом запоминаемое сочетание цифр и букв номера. «Фиат» как «Фиат» – таких тут тысячи. Скользнешь по нему взглядом и тут же забудешь, что его видел...

Правда, неприметность автомобиля никак не компенсировала серьезный недостаток – отсутствие кондиционера. В салоне было жарко и душно, пахло перегретым маслом, раскаленной пластмассой, горячей кожей, и Саша Солоник, опустив боковое стекло до отказа, с удовольствием высунул голову наружу, подставляя лицо под струю встречного воздуха.

– А у меня для вас новости, – как бы между делом произнес Куратор, высматривая, где бы припарковаться.

Пассажир насторожился.

– Вот как?

– Нет, пока работы для вас не предвидится. – Водитель на секунду опередил владельца синего «Ауди», первым нырнув в нишу между машинами на стоянке перед небольшим уличным кафе. – Ну что, в машине будем беседовать или на воздухе?

Скоро они уже сидели за столиком под огромным полосатым тентом, столь спасительным в августовский зной. Похолодания, обещанного накануне синоптиками, не предвиделось. Полуденная жара донимала, асфальт плавился под ногами, словно детский пластилин. Крыши домов, автомобили, узкая улочка расплывались в зыбком солнечном мареве. Толстый потный официант, обмахиваясь газетой, принес большую запотевшую бутылку прохладительного напитка прямо из холодильника.

– Ну, чем вы занимались все это время? – спросил Куратор, разливая в бокалы прохладную жидкость. – Кстати, российские телеканалы смотрите?

Саша пожал плечами.

– Смотрю понемногу. Хотя ничего нового о себе так и не узнал. Телевизора я насмотрелся и в тюрьме. А тут отдыхал, приходил в себя, как вы и велели. Начал понемногу набирать форму – плавание, утренний кросс. Да, а как быть с тиром? Я больше месяца не занимался стрельбой, боюсь потерять квалификацию.

– Мы уже нашли для вас стрельбище, – успокоил Сашу Куратор. – А вот в Москве новости такие...

Серенький четко и грамотно пересказал свой недавний разговор с хозяином охранной фирмы, бывшим чекистским генералом. Не весь, конечно, а лишь его часть – о поисках Солоника и РУОПом, и бандитами. При этом он не назвал никаких конкретных имен и фамилий, избегал характеристик, но намеренно сгустил краски. Выходило, что беглеца не сегодня завтра накроют тут, на Балканах, и потому ему следует во всем полагаться на него, Куратора. Ну и, естественно, на тех, кто за ним стоит.

– Впрочем, такое положение имеет и свои плюсы, – неожиданно оптимистически подытожил Сашин собеседник. – Ваши потенциальные клиенты теперь в постоянном напряжении. Уж если великий и ужасный Александр Македонский сбежал из бывшего кагэбэшного спецкорпуса столичной тюрьмы, то он наверняка способен и на большее. Им неизвестно, где вы, с какой стороны ожидать выстрела, чего от вас теперь вообще ожидать. Эти люди отлично понимают, что вам нечего терять и что... – Он запнулся, но Солоник прекрасно понял незамысловатый подтекст.

– И что таким Македонским проще управлять?

– Естественно. – Обычная невозмутимость вернулась к серенькому. – Впрочем, что тут говорить? Вы и сами все прекрасно знаете. Мы вытащили вас из ульяновской зоны, помогли вам выбраться из «Матросской тишины». Но мы – не благотворительная организация.

– Я отработаю, – ответил Саша, твердо взглянув собеседнику в глаза. – Отработаю...

Глава 3

Этот ночной клуб внешне ничем не отличался от десятков других столичных заведений подобного рода, однако имел в Москве специфическую репутацию. Причем настолько, что люди, не причислявшие себя к завсегдатаям заведения, старались не появляться тут без нужды, особенно в позднее время.

Нет, обслуживание, кухня, набор спиртного и развлечения тут целиком и полностью соответствовали общепринятым стандартам: официанты и бармены отличались предупредительностью и ненавязчивостью, повара и кондитеры – несомненным мастерством, выбор напитков – похвальным разнообразием, а имена популярных эстрадных исполнителей, выступавших тут вечерами, невольно заставляли вспоминать новогодние «Голубые огоньки».

Но люди посвященные отлично знали: в этом небольшом и таком уютном заведении, как правило, собираются бандиты.

Вот и теперь за сдвинутыми столиками неподалеку от бара сидели пять или шесть молодых людей атлетического телосложения и характерной внешности. Разболтанные движения кистей рук, пальцы унизаны перстнями-спецсимволами, значительное выражение лиц, дорогой, но не всегда со вкусом подобранный прикид, в разговоре преобладала профессиональная феня. Все это красноречиво свидетельствовало о принадлежности собравшихся далеко не к самой законопослушной категории российских граждан. Впрочем, не всех сидевших за сдвинутыми столиками можно было причислить к криминалитету.

С краю, ближе к проходу, скромно примостились трое в дорогой, но подчеркнута скромной одежде. Напряженные лица, боязнь сказать что-то лишнее выдавали в троице подшефных бизнесменов.

Во главе стола сидел здоровенный амбал лет тридцати. Хищный прищур небольших, глубоко посаженных глаз, мощный квадратный подбородок, плоские уши боксера, стрижка бобриком, из-за которой и без того его крупная голова казалась еще больше, – все это вместе придавало его облику внушительность и агрессивность. Правда, праздничный блеск глаз и резиновая улыбка, с которой он выслушивал остальных, несколько сглаживали устрашающее впечатление. Улыбка редко появляется на его лице.

Сегодня, двенадцатого августа, у него был день рождения. Ради такого дня, который, как известно, бывает лишь раз в году, можно и расслабиться, можно изредка и улыбнуться.

Веселье было в самом разгаре – разливалось спиртное, звучали тосты, с хрустальным звоном сдвигались бокалы. Пожилой бородатый бард с акустической гитарой, типичный ресторанный мужик типа Звездинского, хрипел с подиума в центре зала куплеты на блатной фене:

В кабак заехал на «стрелу»,
Подсел я правильно к окну
И объяснил все в исключительной манере.

Двоих я сразу срисовал —
Один у плинтуса стоял.
Я понял: «крыша» – это милиционеры.

Впрочем, собравшиеся почти не слушали барда, их внимание было сосредоточено на виновнике торжества.

– За новорожденного!

– За тебя, Свеча!

– Чтобы свечи твоим врагам на могилы ставили! – щегольнул каламбуром один из пацанов.

В голове плыл негромкий гул – умиротворяющий, приятный, сиреневой дымкой отделяя собравшихся от будней, минувших и будущих: с «терками», «наездами», «стрелками», коварными ментовскими прокладками и прочими издержками их опасной профессии. Причем настолько опасной, что каждый день может в любой момент закончиться кабинетом следователя, «хатой» следственного изолятора, зарешеченными окнами печально известной двадцатой больницы или секционном залом морга.

Это только в уголовной лирике, столь любимой прыщавыми малолетками, «гнущими пальцы» на блатной манер, будни бандитов представлены в романтично-возвышенном ореоле. Вон и ресторанный мужичок на подиуме хрипит под гитару:

Когда бугор у них пришел,
Они – за «перья», я – за ствол.
Но ничего тут не поделаешь: работа.

Но кто же будет отвечать?
Они вдруг заднюю включать,
А мне валить их тоже, в общем, неохота...

На самом-то деле все проще, бесхитростней, но куда с большей кровью и жесткостью. Жизнь коротка, и никто из собравшихся на дне рождения бригадира не мог сказать, насколько коротка. Вот и хочется каждый день прожить так, словно бы он последний.

– Ну что, Свеча? – Маленький, верткий пацан в светло-сером пиджаке, подняв стопочку с водкой, обвел гостей взглядом. – За твой день рождения уже пили, за гибель всех твоих врагов тоже. А давайте я философский, проникновенный тост скажу, а?

Присутствовавшие, явно ожидая чего-то веселого, оживились.

– Давай, Укол, говори!

Тот, кого гости называли Уколом, соорудил серьезное лицо и произнес:

– Поэт сказал: «Если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно».

Улыбки застыли на лицах пацанов.

– А при чем тут звезды? – спросил один.

– Ты че – в профессора, в ботаники записался? – хохотнул другой.

– Укол, братишка, поясни пацанам, о каких таких звездах базар? – Свечников хотя и понимал, что это какая-то хитрая шутка, но почему-то и на своем дне рождения хотел выглядеть значительным и серьезным. – Уж не о тех ли, что у мусоров на погонах?

– Когда мента поганого хоронят, всегда на могиле ставят типовой памятник с красной звездой, – пояснил произносивший тост. – За что и выпьем!

Последние слова заглушили одобрительные возгласы: тост пришелся по вкусу, явно понравился. Выпив, братва наконец вспомнила и о приглашенных бизнесменах. Те по-прежнему напряженно сидели с краю, точно пленники людоедов.

Они пришли на день рождения бригадира «крышников» с подношениями (столлик, естественно, был оплачен ими же), и теперь настал момент эти подношения преподнести.

– Ну, барыги, когда будете нашего старшего поздравлять? – Укол, лихо опрокинув стопочку с водкой, обернулся к одному из бизнесменов – толстенькому, чернявому мужчине, напоминающему навозного жука.

Тот засуетился, полез в карман, извлекая оттуда небольшую коробочку.

– Сергей Иванович, – произнес жукообразный задушевым голосом, – в этот торжественный день позвольте преподнести вам наш скромный подарок. Пусть стрелки этих часов, – бизнесмен открыл футляр, извлекая из него золотые часы, – отсчитывают для вас только радостные минуты жизни. И я хочу выпить, чтобы вы...

Укол вновь разлил спиртное, а Свеча, не дослушав бизнесмена даже ради приличия, уже принимал из его рук презент.

– Ни хера себе! «Патрик Филипп»! – благосклонно воскликнул он. – Ну, удружил, Гена, удружил! Давно о таких мечтал.

Жукообразный хотел было сказать еще что-то, но его одернул все тот же Укол.

– Ну что, пацаны, какая у нас дальше культурная программа?

– Барух бы каких снять, бухла прикупить, да в сауну, – предложил Свеча, щелкнув золотым браслетиком на широком запястье.

– Тоже неплохо. – Видимо, поведение подшефных барыг было столь безупречным, что Укол, бывший на дне рождения своего бригадира кем-то вроде распорядителя, посчитал возможным пригласить и их. – Ну что, господа бизнесмены, поехали с нами? Не пожалеете. Гулять так гулять! Есть тут один спорткомплекс. Телок потрахаем, заодно, как говорится, и помоемся... Слышь, Свеча, тут животных наберем или по дороге наснимаем? Однако веселую поездку в сауну, обещавшую стать достойным венцом дня рождения, пришлось временно отложить: в дверном проеме появились еще двое, отлично знакомые всем, кто сидел за столом. Это были братья Лукины, Миша и Коля, несомненные лидеры группировки, под началом которой работал и Свеча, и пацаны его бригады. Оба рослые, широкоскулые, накачанные, с поразительно одинаковым выражением лиц, по которому невозможно было прочитать, что у братьев на уме.

Группировка братьев, получившая название урицкой, нарисовалась в столице довольно давно, в конце восьмидесятых – начале девяностых. Братья, обладавшие несомненным организаторским талантом, сумели сбить довольно крепкую силовую бригаду, куда вошли как вышедшие в тираж спортсмены – штангисты, борцы, боксеры, биатлонисты, многоборцы, – так и профессиональные уголовники, имевшие за спиной как минимум по одной «командировке» «за решетки, за колючки». Хотя Лукины не имели ни одной судимости, не побывали даже на «хате» изолятора временного содержания, к воровским понятиям они относились весьма лояльно. У группировки был и вор, ее курировавший, – довольно авторитетный в столице законник Крапленый. Не «апельсин», но настоящий, правильный вор, выступавший не только в роли третейского судьи, но и в качестве своеобразного буфера между урицкими пацанами и остальной воровской публикой.

Так же, как и многие в те времена, урицкие пацаны начинали с элементарных автокидков, вышибания долгов, наездов на владельцев кооперативных киосков. Вскоре в поле их зрения попали несколько перспективных фирм, которые не стали мелочно дербанить почем зря, а, наоборот, растили из их владельцев «кабанчиков», чтобы дербануть всего лишь разок, но по-крупному. Такая тактика оправдала себя на сто процентов – деньги, полученные братьями Лукиными, в конечном итоге вкладывались в наиболее прибыльный бизнес: производство фальшивой водки, бензоколонки, автосервис, увеселительные заведения.

Реальная сила любой оргпреступной группировки характеризуется тремя факторами: финансовыми возможностями, количеством стволов и связями.

К середине девяносто пятого года по количеству подопечных фирм и банков, по числу стволов урицкая группировка не могла сравниться ни с огромной империей солнцевских, ни с беспредельными дагестанцами, ни с дерзкой «долгопой». Но они тем не менее занимали собственную нишу в столичном криминальном мире, которую не собирались ни с кем делить ни при каких обстоятельствах.

Братья Лукины стояли во главе урицких около пяти лет. Авторитет их был непререкаем не только из-за своеобразных талантов, но и еще по одной причине: братья ревностно следили за внутренними делами в бригадах и не позволяли усилиться кому-нибудь из пацанов. И не дай бог было кому-то из них набрать вес: такого либо по предварительной договоренности сдавали конкурентам (с последующим «завалом» на какой-нибудь «стрелке»), либо выбрасывали на раздербан руоповцам.

Свеча, выросший в небольшом провинциальном городке российского Нечерноземья, ничем особым не выделялся: окончил спортивную спецшколу олимпийского резерва, отслужил срочную в армии, вернулся домой. Женитьба, рождение ребенка, развод. Несколько раз конфликтовал с законом, имел за плечами условную судимость. Он попал в группировку сразу же после смерти брата. Покойный Глобус примерно за год до смерти вызвал его в Москву и ввел братана в криминальные структуры Москвы, выступив в качестве своеобразного толкача. В те времена авторитет Глобуса способствовал карьере брата. Свечников, человек неглупый и достаточно дальновидный, рос как на дрожжах. У Лукиных, с которыми Глобус поддерживал приятельские отношения, недавний провинциальный мастер спорта по боксу довольно быстро выбился сперва в звеньевые, а затем в бригадиры. Но после внезапной смерти брата-законника Сергея Свечникова стали тормозить. Это вовсе не означало, что он не был авторитетным у пацанов. Но Лукины, понимая, что конкурент им ни к чему, сознательно не поручали ему дел важных и перспективных...

В последнее время, как казалось Свече, братья стали косо смотреть на него. Неизбежно назревал крупный «рамс», или «непонятка», как принято говорить в подобных случаях.

К тому же природное самолюбие Свечникова не позволяло ему долго оставаться бригадиром. Он понимал, что братва ждет от него Поступка – одного-единственного. И брат законного вора, погибшего от руки киллера, уже догадывался, какого именно.

Нет, не то чтобы ему говорили открытым текстом или даже намекали: неглупый человек сам должен просчитывать на несколько ходов наперед.

– Ну, Серега, поздравляем. – Миша, старший из Лукиных, с чувством пожал имениннику руку.

– Всех благ тебе, братан. – Коля Лукин, приязненно улыбнувшись, вручил подарок, черную коробочку пейджера. – Расти большой, слушайся старших, не забывай о братве. Давай, пристегивай к ремешку, чтобы было куда тебе названивать. У тебя мобильный вечно ломается или зависаешь где попало...

Свеча, сдержанно поблагодарив братьев, снова уселся за стол.

– Тут предложение поступило. – Укол принялся разливать спиртное припозднившимся братьям, – взять каких-нибудь телок, и в сауну.

Старший Лукин благосклонно улыбнулся.

– Сауна – это хорошо. Особенно, если сиястая телка спинку потрет, яйца до блеска языком начистит. Все правильно: чистота – залог здоровья. Только давайте еще немного посидим. Тут один человек должен подойти, может, и его с собой прихватим...

Естественно, и ситуация, и субординация не позволили никому из собравшихся поинтересоваться, что это за человек, хотя Свечников, естественно, несколько насторожился. От Лукиных в любой момент можно было ожидать подвоха: что другое, а это он усвоил наверняка.

Человек, о котором шла речь, не заставил себя долго ждать – он подсел к столику минут через двадцать после прихода братьев.

Пожилый, невысокий, с аккуратно подстриженной бородкой, мягкими движениями и интеллигентностью манер, он напоминал то ли доктора провинциальной больницы, то ли ушедшего на заслуженный отдых директора школы. Впрочем, густые фиолетовые татуи-

ровки-перстни на пальцах красноречиво свидетельствовали: этот человек далек и от медицины, и от народного образования.

Обладатель аккуратно подстриженной бородки был не кем иным, как Крапленным – натуральным вором в законе, своеобразным «куратором» урицких.

– Ну, здравствуйте всем, – негромко, с подчеркнутой доброжелательностью произнес он. – А где же наш именинник?

Николай Лукин кивнул в сторону Свечи – тот было поднялся, чтобы освободить Крапленому почетное место, однако Крапленный, улыбнувшись, покачал головой:

– Спасибо. Не суетись, братан. Сегодня твой праздник. Подарок за мной – извини, слишком поздно узнал...

Вор, опустившись в кресло, предупредительно освобожденное одним из пацанов, принял в руки стопочку со спиртным, налитую другим пацаном, и сказал с чувством:

– Ну, за тебя, братан Свеча, за твои успехи, за твой авторитет. Репутация у тебя хорошая, наслышан – никаких «косяков» за тобой не водилось. Искренне желаю тебе, чтоб достиг ты того же, чего в свое время достиг брат твой покойный, Глобус, земля ему пухом!.. – закончил он, немного понизив голос.

Упоминание о погибшем брате заставило Свечникова едва заметно вздрогнуть. Уже при появлении вора именинник понял, что сегодня за праздничным столом речь обязательно зайдет и об убитом братане Валере.

Вскоре веселье возобновилось – ввиду появления авторитетного человека бизнесмены были спешно выпровождены из-за стола. Нетрезвые пацаны разбрелись по залу, присматриваясь к сидевшим тут телкам, сыпали недвусмысленными комплиментами, ангажируя барышень провести веселую ночь.

Крапленный вновь подлил в стопку водки и пристально взглянул на именинника:

– А я ведь не зря твоего братана вспомнил.

Свеча внутренне напрягся – он знал, что такие разговоры просто так не заводят. И уж тем более такие люди, как вор.

– Парился я с твоим братишкой на Бутырке, по спецу на одной «хате». Толковый и авторитетный был Валера. Умный, энергичный, хватка у него была. Такие раз в сто лет рождаются! Ни себя, ни пацанов своих в обиду не давал. Мы на него тогда поставили – думали, сумеет поднять нашу идею. Я-то в свое время был одним из тех, кто венец воровской на него возложил. А конец, видишь, какой...

Не договорив, Крапленный закурил.

Свечников, внимательно глядя на собеседника, уже прокручивал в голове продолжение этой беседы. И приблизительно знал, о чем будет тереть с ним вор дальше.

– Как дальше жить собираешься? – продолжая внимательно рассматривать Свечу, поинтересовался тот.

– По понятиям и с уважением к братве, – с готовностью ответил бригадир.

– Ну-ну, – прищурился собеседник. – По понятиям – это хорошо. Только братишка твой, Глобус, вот уже больше года в земле лежит, а убийца его, беспредельщик хренов, на воле гуляет.

Свечников нахмурился.

– Он ведь в «Матроске» сидел... Мы все тогда думали, что гада этого там блатные завалят. Да сбежал вот, сука.

– Сбежал, сука. Греется теперь где-нибудь на Багамах или Канарах, – невозмутимо продолжал Крапленный. – А вы, пацаны, тут сидите, жиром обрастаете, жизнь прожигаете. А он... Кровь твоего брата – на нем! А ведь Глобус и мне братом был. Да и не только Валерина кровь. Много кого еще... Да и неизвестно, скольких еще воров, скольких золотых пацанов он перешмалет!

Свеча понял: теперь или никогда! Вот он, шанс: дать вору слово найти и завалить киллера Солоника, выпустить нутро из этой суки, поднявшего руку на вора. Мало того, что получить моральное удовлетворение, еще и упрочить свое положение в уголовном мире, завоевать весомый авторитет. Уж после такого братья Лукины наверняка начнут с ним считаться!

– Так что скажешь?

Лицо Свечникова сделалось каким-то торжественным и в то же время непроницаемым.

– Слово даю, если этого уroda не найду и не вальну, бля буду, слово пацана!..

На лице Крапленого обозначилось нечто вроде улыбки.

– Уже теплей... Только ведь он хитрожопый, сука. Прячется. Это тебе не бизнесмен, на которого пацаны наехали. – Снял квартиру на другом конце Москвы и руководит оттуда своим бизнесом по мобильному. Это – профи. Тут о нем по Москве разная параша ходит: будто бы и кагэбэшники его на что-то там натаскивали, будто бы стреляет он, как бог. Насчет кагэбэшников не знаю, но то что снайпер он классный, это точно.

– Да уж знаю. – Свеча закурил, глубоко затянувшись. – Наплели о нем всякого... Мало того, что натуральный урод, так еще и бывший мусор! Все газеты только о нем и пишут!

– Ну, и когда его искать начнешь? – невозмутимо поинтересовался Крапленый.

Это был ключевой момент.

Все! Слово дано, обратного пути нет. Авторитетный пацан, дав однажды слово вору, не может его нарушить ни при каких обстоятельствах. За язык Свечу никто не тянул. Не нашел, не завалил гниду – считай, офоршмачился. А офоршмачившись перед вором, пацан никогда не сможет рассчитывать выбиться в авторитеты.

С силой затушив окурок, брат покойного законника произнес:

– Прямо завтра и начну. Эй, пацаны! – крикнул он своим «быкам». – Подгребайте к столу, базар тут один интересный...

Спустя несколько минут Свеча уже говорил, и голос его звучал сурово и внушительно:

– Я говорю, все слышат: даю слово Крапленому, что найду ту гниду, которая братана моего вальнула. Слово пацана даю. Имя киллера вы все знаете – Солоник. Его еще называют Саша Македонский. Он сам родом из Кургана, бывший мусор, по слухам, тасовался с шадринскими. Крови на нем много. Знаете о нем и то, что с месяц назад он сделал лыжи из «Матроски». Теперь в бегах. Менты его ищут, «контора», все дела... Так вот: объявляем на него розыск. Мы не менты, за зарплату не работаем. Дела наши с барыгами и разборку с березовскими отложим на потом. На святое дело отправляемся. Короче говоря, завтра же вылетаем туда. Волыны и лимоны не берем, едем пустыми. Ты, Рыжий, – Свечников обернулся к пацану, фигура которого свидетельствовала, что в свое время он занимался штангой, – отправишься со стволами самостоятельно. Не впервой. В Кургане встретимся.

– Ну, приедем мы в Курган, а там что? – спросил Укол.

– Посмотрим, – поморщился Свеча. – На месте разберемся. Может быть, с местной братвой сойдемся, может быть, кого из его родных в заложники возьмем. Дети у него там вроде, старики. К каждому по мусору не приставишь. Обещаю всем одно, – бригадир выразительно взглянул на вора, – этому сучонку не жить...

Крапленый благосклонно выслушал слова Свечникова – этот человек внушал ему мысль, что Солонику действительно не жить. И не только в покойном Глобусе тут дело. Что теперь бывшее ворошить? Длугач мертв, а он, Крапленый, жив. Так же, как и Македонский. И как знать – не его ли, Крапленого, голова появится когда-нибудь в перекрестье оптического прицела знаменитого киллера?

Пацаны из бригады особо не высказывали эмоций. Что поделаешь, работа такая. Надо все бросать и лететь в какой-то там Курган – значит, надо. Да и уважаемый вор вроде бы в том заинтересован...

А братья Лукины встретили обещание Свечи без особого энтузиазма. Они знали: в том случае, если брат покойного Глобуса действительно сдержит слово, с таким человеком придется разговаривать по-иному...

Глава 4

«Если ты не придешь в политику, то политика сама придет к тебе». Наверное, эта расхожая премудрость по справедливости применима к сегодняшней России.

Организованная преступность, уличный бандитизм со стрельбой и взрывами, заказные убийства, похищение детей с целью выкупа, короче говоря, полномасштабный криминальный беспредел – это не только суровая проза российских будней, не только предмет ежедневных страхов среднестатистического налогоплательщика, не только горе, кровь и слезы, но и серьезный козырь в политической игре. И козырь этот, извлеченный в нужное время и в нужном месте, способен крыть едва ли не все остальные карты.

Наверное, именно об этом думали те, кто собрался на специальное совещание силовых структур, посвященное борьбе с организованной преступностью.

Совещание проходило в ярко освещенном помещении – слишком просторном для обычного кабинета, пусть даже и начальственного, но недостаточно большого для конференц-зала.

Совещание как совещание: президиум, докладчики на трибуне, цифры, факты, сухая отчетность: за истекший период времени органами МВД возбуждено столько-то уголовных дел, раскрыто столько-то заказных убийств, столько-то вымогательств, столько-то разбойных нападений. Предотвращено столько-то похищений с целью выкупа, изъято столько-то стволов огнестрельного оружия, возвращено столько-то банковских кредитов. А при всем при том рост организованной преступности, несмотря на все принятые меры, никак не идет на спад.

Да, так все оно и было. Но все присутствовавшие прекрасно понимали: раскрытые преступления – это одно, а тенденция роста – совсем другое. Неумолимая же статистика свидетельствует далеко не в пользу правоохранительных органов. А главное, рост преступности вряд ли делает честь теперешнему руководству МВД, правительству и самому президенту. В следующем, 1996 году состоятся очередные президентские выборы, и тяжелая криминальная обстановка может стать козырной картой в руках оппозиции.

О политической подоплеке совещания знали все: и силовые генералы, выступавшие с трибуны, и сидевшие в президиуме, и, конечно же, слушатели: высокие чины Главного управления МВД, РУОПа, ФСБ и Московского уголовного розыска.

Докладчик на трибуне – невысокий седовласый мужчина явно милицейско-генеральского экстерьера – то и дело поправляя сползавшие с переносицы дорогие очки, читал, шелестя бумагой:

– ...в последнее время участились случаи побегов из следственных изоляторов и мест лишения свободы. Так, в ночь с четвертого на пятое июня 1995 года из московского следственного изолятора номер один в результате преступной халатности бежал содержавшийся там под следствием Александр Солоник, подозреваемый в заказных убийствах авторитетов уголовного мира...

При упоминании о Солонике, ставшем притчей во языцех, в зале произошло заметное движение. Этот человек давно уже превратился едва ли не в символ беспомощности российской милиции перед лицом организованной преступности. Высоким чинам МВД оставалось лишь разводиться руками: загадочный киллер, равно также и те, кто за ним стоит, объективно оказались сильней.

Во всяком случае – пока.

А милицейский генерал тем временем подвел свое выступление к главному тезису:

– ...мы, органы правопорядка, должны активизировать борьбу с организованной преступностью. В преддверии президентских выборов обострившаяся криминогенная ситуация может быть использована и в политических целях, и тогда...

Что произойдет в случае прихода к власти левых, милицейский начальник объяснил довольно завуалированно. Тем не менее его поняли все: неизбежна серьезная пертурбация и в МВД, и в РУОПе, и в ФСБ, а то и полная реорганизация этих структур. А тогда и те генералы, что ныне заседают в высоком президиуме, и те, что внимают выступающим в зале, и те, которые тут отсутствуют, – почти все они лишатся чинов, кабинетов, служебных лимузинов, правительственных кормушек и льгот. Уже не действующими генералами, а старыми пердунами-пенсионерами будут выращивать на своих шести сотках в ближнем Подмоскovie георгины да пописывать мемуары...

Последним выступал представитель Совета безопасности. Видимо, серьезность проблемы оргпреступности наконец осознали и в Кремле.

Невысокий, плотный мужчина с желтыми, словно стеклянными глазами, мосластыми кистями рук и удивительно маленьким лбом буквально вбивал в слушателей гвозди коротких, рубленых фраз:

– Вы должны осознать, что преступник, бандит, убийца – это уже не человек. Тот, кто встает на путь преступлений, тем самым вычеркивает себя из общества. Меньше либерализма, больше жесткости. Никакой жалости, никакого снисхождения. Борьба должна быть беспощадной. В ваших руках будущее страны... – Послунявив палец, желтоглазый перевернул страничку текста, и во время краткой паузы многие, наверное, подумали – куда убедительней прозвучали бы слова не о «будущем страны», а о личном будущем слушателей. А докладчик тем временем продолжал: – От вас, и только от вас зависит, каким это будущее станет...

Вскоре объявили полчасовой перерыв. Слушатели поднялись и потянулись в вестибюль обсуждать и комментировать услышанное.

Слова представителя Совета безопасности были встречены благосклонно и сочувственно всеми без исключения. Получалось, что карт-бланш на борьбу с бандитами давался на самом что ни на есть высоком уровне.

«Бандит – это не человек». А коли так – с ним можно делать все что угодно, невзирая на закон, лишь бы шло на пользу дела.

Но, наверное, никто из присутствующих даже не подумал, что, несмотря на тяжелую криминогенную обстановку, законы еще никто не отменял. Равно и презумпцию невиновности. «Преступником, бандитом и убийцей» любого человека может назвать лишь суд...

В светлом кабинете, обставленном с казенной административной строгостью, соответствующей большинству государственных учреждений бывшего Советского Союза, царил абсолютная тишина. Изредка ее нарушал скрип вертящегося кресла да шелест перекладываемых бумаг.

Высокий, представительный мужчина с короткой стрижкой, круглым лицом и редкими, крепкими желтоватыми зубами, расположившись за письменным столом, сосредоточенно читал содержимое толстой папки. Видимо, изучение служебных документов настолько захватило его, что он даже забыл об оставленной в пепельнице сигарете, дотлевшей почти до фильтра.

Под потолком неподвижно висел сизый табачный дым. Обратив на него внимание, мужчина недовольно поморщился. Опершись ладонями о крышку стола, поднялся и медленно направился к окну, занавешенному гардинами цвета гнилой вишни. Повозившись со шпингалетом, он отворил форточку. Вместе с потоком свежего воздуха кабинет наполнился

звуками автомобильных клаксонов, шумом моторов и многоголосием пешеходов, проходивших по Шаболовке.

Хозяином кабинета был офицер московского РУОПа Олег Воинов, старший поисковой группы, созданной для поимки Солоника.

Воинов недавно прибыл с высокого совещания. Благодаря обилию полученной информации настроение его заметно поднялось, и даже естественная усталость не мешала руоповцу чувствовать себя полностью уверенным в себе.

Олег Иванович Воинов попал в Региональное управление по борьбе с организованной преступностью еще в 1993 году, сразу же после того, как эта структура была выведена в отдельное подразделение. На его счету было несколько достаточно громких дел – раскрыток рэкетиров, донимавших серьезные коммерческие фирмы в Москве и ближнем Подмосковье, предотвращений наездов на банки, имевших солидные связи в верхах и потому не нуждавшихся в татуированных «крышниках». Так, в начале года его стараниями был взят под стражу весьма авторитетный вор в законе, которому органы правопорядка долгое время не могли что-либо инкриминировать. Правда, законник был водворен в СИЗО не столько благодаря высокому профессионализму Воинова, сколько в результате банальной подставы, которая широко практикуется в ведомстве на Шаболовке. Во время профилактического обыска в его машину было подброшено несколько патронов к «ТТ» и пакетик кокаина. Протокол обыска, понятые и прочие процессуальные формальности полностью соответствовали нормам Уголовно-процессуального кодекса. Авторитет оказался на шконках Бутырки, а Воинов, получив похвалу начальства и повышение по службе, еще более упрочил репутацию перспективного и высокопрофессионального офицера. Его ставили в пример, называли в числе лучших. И, наверное, потому именно ему доверили серьезное и ответственное задание: поимку легендарного киллера Александра Солоника.

Руоповец был человеком далеко не глупым, а потому прекрасно понимал щекотливость момента. Если легендарный киллер не будет пойман, его самого, «перспективного и высокопрофессионального», неминуемо задвинут, и тогда на карьере можно будет ставить большой и жирный крест. В случае же поимки, наоборот, он, Олег Иванович Воинов, может рассчитывать на головокружительный взлет и самые радужные перспективы.

Как ни странно, но Воинова особо не интересовало все то, что обычно интересует человека его возраста и положения: женщины, спиртное, отдых за границей, дорогие навороченные автомобили. Он не был жаден и до денег. А ведь тут, на Шаболовке, большие деньги делались не просто, а очень просто. За каких-то год-полтора средний руоповец мог позволить себе приобрести собственную квартиру, подержанный джип и даже отдых на Кипре с молодой, длинноногой любовницей.

Все знали, каким образом добываются такие блага, но по понятным причинам предпочитали помалкивать.

Нет, Олег Иванович никогда не добивался для себя имиджа крутого деятеля. Не мечтал о золотых пляжах Лимасола, о телках-манекенщицах, об устрашающего вида четырехколесном монстре.

Карьера, карьера и еще раз карьера – это было единственной его жизненной программой. Так было и в армии, где он, служивший срочную охранником в одном из лесоповальных лагерей на Дальнем Востоке, ушел на дембель старшиной. В райотделе милиции, куда он пошел работать после армии, его постоянно ставили в пример другим. А Высшую школу милиции он окончил первым в списке выпускников с красным дипломом...

Постояв у форточки, хозяин кабинета бросил равнодушный взгляд на прохожих, проезжающие машины и, оставив форточку открытой, уселся на свое рабочее место.

Что и говорить, дело Александра Солоника, которое он в который раз просматривал, могло стать вершиной его руоповской карьеры. Его имя упоминается даже на совещании

в присутствии представителей Совета безопасности. Это тебе не банальная уголовщина, а высокая политика. В случае поимки родной РУОП может рапортовать: мы не зря едим свой хлеб, оправдываем свое название, и кадры у нас ценные, как, например, тот человек, который обнаружил и обезвредил Солоника. А человек, спасший честь мундира, да еще в такой сложный внутривластный момент, имеет полное право рассчитывать на многое...

«Преступник, бандит, убийца – это уже не человек. Меньше либерализма, больше жесткости. Никакой жалости, никакого снисхождения» – эти слова, услышанные Воиновым сегодня, придали внутреннюю уверенность.

– Значит, Курган, – тихонько прошептал руоповец.

Старший поисковой группы составил для себя план дальнейших действий.

Солоник бежал. Но куда? Остался в Москве? Маловероятно, он тут слишком засвечен. Выехал за рубеж? Реально, хотя это и тяжело, – приметы беглеца разосланы по всем заставам, таможням и пограничным переходным пунктам. Риск быть опознанным и схваченным очень велик. Стало быть, остается третье: он в России, но где-то скрывается. И, по всей вероятности, ближе к дому, к тихому и провинциальному Кургану. К тому же в этом городе у него ребенок, старики родители. Почему бы не предположить, что с кем-то из них он поддерживает контакты? И почему до сих пор никому не пришло в голову: родные и близкие знаменитого наемного убийцы по сути являются заложниками!

Спрятав папку с делом Солоника в ящик стола, Воинов набрал номер на телефоне внутренней связи.

– Алло, Леша?

– Слушаю, Олег! – донесся из мембраны голос заместителя Воинова.

– Зайди, пожалуйста, ко мне. Заодно собери наших ребят, скажи, чтобы командировки оформляли. Завтра утром вылетаем в Курган...

Глава 5

Адвокат всегда вежлив, улыбчив, корректен и обходителен. Внимательно слушает любого собеседника, никогда не прерывая, а если уж так случится, что перебьют его, тут же замолкает на полуслове, терпеливо подбадривая собеседника. Любому куда приятней рассказывать о себе самом, чем слушать других, – для профессионала, проработавшего с людьми десятилетия, это прописная истина. К тому же человек, который слушает внимательно, не перебивая, вызывает безотчетное уважение и доверие клиента, что в многотрудной адвокатской работе зачастую определяет успех дела.

Рабочий день Адвоката забит с раннего утра и до позднего вечера. Мобильный телефон пищит не переставая, пейджер выдает законспирированные тексты, подчас на мажорной блатной фене. Адвокат должен, мгновенно сориентировавшись, перевести сообщение на нормальный язык и вспомнить, кому давал номер пейджера. А главное – сообразить, о ком и о чем идет речь, предварительно прикинув, как оградить клиента от неприятностей при следствии.

Вот Адвокат и мотается: садится утром в черный «БМВ» и едет с одного конца Москвы на другой: с Петровки, 38 – в следственный изолятор Лефортова, оттуда – на Шаболовку, 3, в штаб-квартиру РУОПа, оттуда – в «Матросскую тишину», затем в прокуратуру, в суд, в свою юрконсультацию...

В бывшем Советском Союзе, да и в теперешней России Адвокат всегда одиночка. За его спиной подследственный, для которого защита – последняя и единственная надежда. Перед ним огромный, хорошо отлаженный, смазанный кровью и слезами механизм государственной машины: милиция, прокуратура, суды, изоляторы временного содержания, тюрьмы и зоны четырех режимов. У следователей план по раскрытию преступности, у судей пресловутое внутреннее убеждение плюс телефонное право, у прокуроров общие фразы о том, что государство и так слишком гуманно к преступникам. Хотя назвать подследственного преступником, пока вина его не доказана, нельзя: все та же презумпция невиновности. Это дело обвинения – доказать, что сидящий на скамье подсудимых преступник, а вовсе не подследственного – доказывать, что он чист перед законом.

Возраст и жизненный опыт дают многое, и прежде всего здоровый профессиональный цинизм. Адвокат, как никто другой, понимает, что это такое. Ему приходилось защищать откровенных криминальных авторитетов и явно невиновных, попавших в СИЗО по сфабрикованным РУОПом делам. Заниматься матерыми убийцами и теми, на кого вешали чужие убийства. Помогать профессиональным кидалам банков и валенкам, бравшим на себя чужие кидки, маньякам и тем, кого таковыми представляли... И нередко на процессах с участием Адвоката свидетели обвинения перебирались на скамью подсудимых, а подсудимых освобождали из-под стражи прямо в зале суда.

Вот и теперь, погожим сентябрьским утром, он, усевшись за руль машины, ехал на деловую встречу к друзьям очередного клиента. Встреча была, в общем-то, обычной, рядовой, чего не скажешь о самом подследственном. Этот человек, занимавший довольно серьезное место в криминальном раскладе Москвы, сидел теперь в печально известной Бутырке и обвинялся в дерзком убийстве серьезного уголовного авторитета. На первый взгляд, шансов вытащить убийцу из-под стражи не было никаких: случайно проходивший мент скрутил его рядом с еще теплым трупом. У задержанного обнаружили пистолет «ТТ» с полупустой обоймой и парик, то есть классические вещдоки. Нашлись сразу три свидетеля, слышавшие выстрел, и это, по мнению следствия, не оставляло обвиняемому никаких шансов.

Сидя за рулем «БМВ», Адвокат уже знал, как следует поступить. До того, как отправиться на эту встречу, он несколько часов рядом беседовал со специалистом по судебной

психиатрии из знаменитого института Сербского, три дня провел в библиотечном читальном зале, изучая литературу по контузиям и психическим расстройствам. На заднем сиденье в спортивной сумке лежала общая тетрадь, куда защитник того, кто расправился с бандитом-беспредельщиком, скрупулезно выписал все, что могло понадобиться при будущей защите...

Конечно же, Адвокат не был уверен в успехе на сто процентов, но кое-какие шансы вытащить клиента из-за решетки у него появились. Дело в том, что за год до убийства на этого человека было совершено покушение, и несомненно, тем самым беспредельщиком. «Мерседес» клиента взорвали в самом центре Москвы, владелец получил серьезную контузию, после которой лечился более полугода. Следствие, по мнению защитника, допустило явный прокол: при задержании не была проведена психиатрическая экспертиза, определяющая состояние обвиняемого на момент убийства. А это давало шансы заменить большой срок куда меньшим, к тому же не в исправительно-трудовом учреждении строгого или специального режима, а в психиатрической больнице закрытого типа.

Черный «БМВ» спокойно катил по столичным проспектам и улицам, запруженным автомобилями. Адвокат не торопился, а в который раз прокручивал в голове возможные следовательские подставы и собственные контраргументы. Конечно же, он и не мог подозревать, что и это уголовное дело, и предстоящий разговор с друзьями клиента отнюдь не самая большая жизненная проблема, которая ожидает его сегодня...

Неприметная в московской автомобильной толпе серая «Волга» с таксистскими пашечками вела черный «БМВ» от Кунцева, где находилась юридическая консультация Адвоката, до станции метро «Динамо». Там «Волгу» сменила белая «семерка», но вскоре вместо нее появилась потрепанная бежевая «шестерка».

В салоне «шестерки» сидели двое. Вроде бы обыкновенные мужички, мотающиеся по своим делам, – неброско одетые, с угрюмыми, не улыбочивыми физиономиями. Так могут выглядеть и торговцы средней руки, и мелкие клерки, и институтские инженеры. Правда, выражение лиц этих людей, цепкие и колючие взгляды, которые они бросали по сторонам, свидетельствовали, что это наверняка не торгаши и не инженеры...

Тот, что сидел рядом с водителем, взял черную коробочку рации с толстым отростком антенны и, нажав кнопку связи, произнес:

– Ноль-первый, я ноль-пятый. Объект приближается к «Садко-Аркаде». Видимо, остановится там. Черная «БМВ» пятой модели, государственный номер...

Послышался характерный шум, и сквозь эфирные помехи рация прохрипела: – Ноль-пятый, я ноль-первый. Вас понял. Держите объект в пределах видимости.

Говоривший положил рацию рядом с собой и, обернувшись к водителю, произнес:

– Он, видимо, тут припаркуется. Давай где-нибудь рядом встанем, если что – подстрахуем ребят...

Вскоре черная «БМВ» Адвоката заняла место на паркинге. Открылась водительская дверка, и хозяин машины, заметив знакомых, помахал им рукой. Разумеется, он не обратил внимания ни на бежевую «шестерку», вставшую несколько поодаль, ни на темно-вишневый «жигуль» девятой модели, медленно выезжавший ему наперерез...

– Ну, привет! – Огромный, под два метра атлет, подойдя к Адвокату, с чувством пожал ему руку. – Может, в кабак какой забуримся, там перебазарим?

– Доброе утро, – вежливо поздоровался тот в ответ и на всякий случай взглянул на роскошный шестисотый «мерс», на котором приехали друзья клиента. – Нет, давай тут переговорим, у меня времени мало – через час должен быть на Бутырке, у вашего друга.

Атлет сразу же согласился.

– Ну давай тут перетрем. Сколько ему светит? А главное – можно нашего братана конкретно со шконок выдернуть?

Облокотившись о багажник своей машины, Адвокат лаконично изложил свою точку зрения по поводу предстоящей защиты.

– Вообще-то трудно, но попробовать можно. Надо добиться психиатрического освидетельствования. Завтра утром у меня в прокуратуре встреча, я уже обо всем договорился. Пока ничего не обещаю. Но, как говорится, попытка не пытка, – закончил он.

– Да ты уж сделай, а? – Собеседник просительно взглянул на Адвоката. – А мы уж в долгу не останемся, в натуре, слово пацана. Ты же нас знаешь! А он-то сам как? Не прочь под психа закосить?

Адвокат хотел было что-то ответить, но не успел: неожиданно взгляд его остановился на темно-вишневой «девятке», медленно катившей вдоль забитого автомобилями паркинга. Антрацитное-черное тонированное стекло задней дверки медленно опустилось, и оттуда высунулось тупое дуло «АКСа» с пламегасителем...

То, что произошло дальше, Адвокат запомнил на всю оставшуюся жизнь: ствол «калашников» чуть приподнялся, и обманчивую тишину автомобильной стоянки пропорола длинная автоматная очередь.

Стрельба велась вроде бы прицельно. Во всяком случае, Адвокат видел, что ствол был направлен прямо на него, и потому, повинувшись инстинкту самосохранения, повалился на асфальт, у колеса собственной машины.

Нападавшие явно не жалели патронов: автоматные очереди заглушали звон разбиваемых автомобильных стекол, скрежет металла, панические крики прохожих.

Как ни странно, недавний собеседник не растерялся: выхватив из кобуры, что под мышкой, пистолет, он открыл беглый огонь по «девятке». Адвокат, отползая между машинами к тротуару, видел, как встретивший его амбал, спрятавшись за чьей-то машиной, прицельно палил в киллеров из темно-вишневой «девятки».

Вскоре подоспела подмога – из шестисотого «Мерседеса» выскочили точно такие же амбалы: в руках у них были пистолеты-пулеметы «узи».

Стрельба с обеих сторон велась безостановочно. Во всяком случае, Адвокату, спрятавшемуся за задком чьего-то автомобиля, так казалось. И киллерская «девятка», и шестисотый «мерс» должны были бы превратиться в настоящее решето, и никого – ни нападавших, ни защищавшихся – давно уже не могло остаться в живых.

Но несмотря на огненный смерч с обеих сторон, факты свидетельствовали об обратном.

Все стихло столь же неожиданно, как и началось. Подняв голову, Адвокат заметил, как темно-вишневая «девятка», взвизгнув по асфальту протекторами, набрала скорость, удаляясь от места перестрелки.

Вечером того же дня из популярной телевизионной передачи «Дорожный патруль» защитник сидевшего в Бутырке авторитета с удивлением выяснил, что он стал свидетелем вооруженной разборки между шадринской и клинской группировками. Высокопоставленный офицер столичного ГУВД без тени смущения пояснил в интервью телеведущему, что в Москве подобные происшествия, к сожалению, в порядке вещей, но милиция, безусловно, разыщет и накажет преступников.

Это было тем более странно, что люди в шестисотом «Мерседесе», на встречу с которыми приехал Адвокат, не принадлежали ни к шадринским, ни к клинским...

А незадолго до полуночи на его мобильный позвонил неизвестный.

– Ну что, оклемался? – послышался из трубки чей-то незнакомый голос.

Адвокат поперхнулся.

– Вы ошиблись номером... – Первое, что пришло ему в голову.

– Нет, не ошиблись. Мы тебя предупредили. И предупреждение это последнее. Поменьше трепись с журналистами о своем знаменитом клиенте...

Короткие гудки зуммера дали понять, что разговор завершен. Адвокат, конечно же, понял, о ком идет речь, да так и остался стоять посреди комнаты с телефонной трубкой в руках.

Да, стрельба у «Садко-Аркады» была инсценировкой – это было очевидно. Впрочем, в следующий раз автоматчики на темно-вишневой «девятке» наверняка будут стрелять на поражение...

Светало.

Небо над Москвой сделалось сперва грязно-серым, мутным, но всходившее солнце уже медленно окрашивало его сусальной позолотой, предвещая теплый и погожий день.

Стоя у широкого окна своего бывшего кабинета, Координатор задумчиво смотрел на панораму Большой Лубянки, по обыкновению раскачиваясь с пятки на носок и засунув руки в глубокие карманы брюк.

Сквозь неплотно занавешенное окно пробивались первые лучи восходящего солнца, отбрасывая причудливые тени от стоящей в комнате казенной мебели.

В приоткрытую форточку доносился привычный шум большого города. Завывали двигатели первых вышедших на маршрут троллейбусов. В районе Кузнецкого Моста надсадно прозвучала милицейская сирена и смолкла. Нахохлившиеся воробьи ловко прыгали по жестяным подоконникам и карнизам.

Координатор приехал на Лубянку в четыре утра, чтобы переговорить с фээсбэшным генералом, своим преемником по должности. Тот, один из немногих, знал и об истинном лице «охранной фирмы» Координатора, и об «С-4», и о киллерских отстрелах...

Впрочем, не только об этом.

Деловое сотрудничество фирмы Координатора и Лубянки продолжалось – и оно было взаимовыгодным, это сотрудничество. Главк, которым руководил высокий чин ФСБ, делал для Координатора немало полезного: поставлял информацию, прикрывал его от МУРа и РУОПа, иногда даже предоставлял ребят из «семерки», Седьмого Главупра, знаменитой «наружки». Конечно же, в ФСБ прекрасно отдавали себе отчет, что деятельность структуры бывшего коллеги носит также и коммерческий характер, но на это волей-неволей приходилось закрывать глаза. Да и что уволенному в запас с Лубянки генералу оставалось делать, если его нынешняя секретная структура не финансировалась из бюджета? К тому же у хозяйина этого кабинета была и своя заинтересованность в фирме Куратора, естественно, коммерческая.

Бывшего чекистского генерала вывел из задумчивости голос генерала действующего:

– Короче говоря, информацией вы владеете. Подытожим. Воинов, тот самый офицер из РУОПа, со своей поисковой группой уже вылетел в Курган. Техническая служба сообщила также, что уголовный авторитет Свечников отправился на родину вашего героя еще вчера. По всей вероятности, там их пути пересекутся.

– Благодарю, – скрипучим голосом произнес Координатор и неожиданно перевел беседу в другое русло: – Кстати, как вам понравилось последнее выступление представителя Совета безопасности?

– «Быть безжалостным и беспощадным», – процитировал по памяти собеседник, пряча нехорошую ухмылку. – «Меньше либерализма, больше жесткости. Никакой жалости, никакого снисхождения». Ну-ну. А в зале менты сидят, ушами хлопают, аплодируют. Ну разгромят они всех бандитов, что, впрочем, проблематично. А дальше что? Представьте совершенно невообразимое: допустим, не будет в России организованной преступности, сметут

ее, сотрут в порошок. И с кем тогда бороться тому же РУОПу? Придется срочно самоликвидироваться. Сегодня они сами от всех этих солнцевских, долгопрудненских да чеченских группировок зависят. Разгромят все до единой – не будет смысла и в их собственном существовании. Не все, стало быть, так просто, как может показаться на первый взгляд. В этой стране все одной веревочкой повязаны! К тому же искоренить все эти группировки невысказано. И не в одной тут милиции дело, а в объективных обстоятельствах.

Неожиданно Координатор поймал себя на той мысли, что хозяин кабинета совершенно прав! Не будет оргпреступности – кому, а главное – против кого будет ставить «крышу» его охранная фирма?

Пробормотав в ответ что-то невнятное, он, сославшись на усталость, вызвал к подъезду машину и распорядился отвезти себя домой, в загородный коттедж.

Координатор позавтракал, принял душ и, прежде чем лечь спать, записал в рабочем блокноте:

«20 сентября – позвонить в Грецию».

А это означало, что Александра Македонского ожидала ликвидационная акция – первая после бегства из следственного изолятора...

Глава 6

Среди черепичных крыш, среди узеньких улиц, петлявших между каменными заборами и глухими стенами домов, в зыбком сентябрьском рассвете открывался на склоне горы небольшой квартал фешенебельной афинской окраины. Здесь издавна селились люди известные и состоятельные – подальше от суеты центра города, от раскалившегося за день асфальта, от вони выхлопных газов. Роскошные коттеджи, занимавшие целые кварталы, выглядели то ли сказочными замками, то ли декоративными, сильно уменьшенными копиями Парфенона. Архитектурные мотивы Древней Греции возникают в современных Афинах буквально на каждом шагу.

Вилла, расположенная почти что в самом центре этого фешенебельного района, может быть, и не выглядела такой уж величественной, но по внутреннему комфорту могла дать фору едва ли не всем другим.

Роскошная стильная мебель явно ручной работы, дорогая отделка стен мореным дубом, безотказная японская техника в каждой из десяти комнат, овальный бассейн с голубой водичкой, подсвеченной изнутри, просторная веранда, на которой так приятно сидеть теплыми осенними вечерами. Короче говоря, убранство виллы воскрешало в памяти крылатые слова героя одной кинокомедии о том, что жить хорошо, а хорошо жить – еще лучше.

На веранде сидели двое – невысокий, крепкого телосложения мужчина. Короткая стрижка, накачанные бицепсы спортсмена, рельефно обрисовывающиеся под рубашкой, придавали ему вид уверенного в себе и независимого человека.

Девушка, сидевшая за столиком напротив, казалась воплощением женственности: повосточному миндалевидный разрез черных глаз, строгие и правильные, как у статуи античной богини, черты лица. Помимо необыкновенной красоты в ней угадывалось нечто домашнее и вместе с тем трогательное, беззащитное.

– Ну что, Саша, как тебя теперь называть? – ласково поинтересовалась девушка, осторожно взяв в руки его ладонь.

За столиком на веранде роскошного коттеджа, специально снятого для него, сидел Александр Солоник. А девушка звалась Аленой. Она прилетела в Грецию из России сегодня утром и весь день не отпускала Сашу от себя, словно в ее отсутствие с ним вновь могло бы что-то произойти.

Конечно же, Алена знала о нем не очень много – больше догадывалась, но женская интуиция не могла ее подвести. К тому же главное об Александре Македонском ей было известно из газет и телевидения: «киллер мафии», «наемный убийца», «самая загадочная фигура российской криминальной истории»...

Но Алене было на все это наплевать, потому что для нее он был ее любимым...

За свои неполные тридцать пять лет Солоник имел очень много женщин, но ни к одной из них он не привык так, как к Алене. Может быть, потому, что за эту женщину ему пришлось бороться с ее бывшим мужем, может быть, потому, что он, такой сильный, суровый и безжалостный, инстинктивно стремился видеть рядом с собой столь трогательное и беззащитное существо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.